

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

СМЕРТЬ
НА ЗАБРОШЕННОЙ
ФЕРМЕ

Энн Грэнджер

Смерть на заброшенной ферме

Серия «Кэмпбелл и Картер», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8484198

*Смерть на заброшенной ферме: детективный роман / Пер. с англ. А. В. Кровяковой.: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05412-8*

Аннотация

На заброшенной ферме, где много лет назад было совершено двойное кровавое убийство, под кучей тряпья найден труп молодой девушки, задушенной более тридцати часов назад. Детектив Джесс Кемпбелл установила, что в день обнаружения тела по дороге от фермы на большой скорости мчался неизвестный в округе серебристый «мерседес». Если в нем находился убийца, то зачем он вернулся на ферму спустя столько времени, а если это важный свидетель, то ему угрожает смертельная опасность. В любом случае владельца «мерседеса» необходимо как можно скорее найти...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	54
Глава 5	71
Глава 6	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Энн Грэнджер

Смерть на заброшенной ферме

MUD, MUCK AND DEAD THINGS

Copyright © 2009 Ann Granger

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

– Грязь, слякоть и мертвечина. Ненавижу деревню! – пробурчал Лукас Бертон, хотя рядом с ним не было никого, кроме ворон, жадно терзающих труп какого-то мертвого зверька.

Он спугнул птиц, когда свернул с шоссе. Шумно хлопая черными крыльями, вороны недовольно взмыли вверх, но далеко не улетели, а принялись описывать круги над его головой. Под ногами зачавкало. Лукас опустил голову и увидел, что его дорогие туфли, старательно начищенные утром до зеркального блеска, утопают в жирной, густой грязи. Постепенно успокоившись, пернатые хищники спикировали вниз и возобновили пиршество. Они хрипло каркали и налетали друг на друга, ссорясь из-за добычи. Лукасу показалось, что пернатые разбойники издеваются над ним.

Он с трудом выдернул ногу из грязи. Послышался громкий всасывающий звук – как будто из раковины вынули затычку. След от его туфли сразу наполнился грязной водой. Чертыхаясь, Лукас доковылял до груды наваленных друг на друга гниющих деревянных поддонов и попытался отчистить подошвы, но вскоре понял, что все его усилия тщетны. Непонятно, что за почва у него под ногами – Лукасу даже и думать об этом не хотелось, – но грязь прилипла намертво, как клей. Придется смириться! Лукас глубоко вздохнул

и зашлепал по черной жиже. Деваться ему некуда – пойдет ли он дальше или повернет назад, он все равно запачкается.

Встречу ему назначили на заброшенной ферме на вершине пологого холма. Почти к самой ферме вела грунтовая дорога. Сверху открывался чудесный вид, хотя Лукасу сейчас было не до любования красотами. С трех сторон – такие же пологие холмы, похожие на зеленые волны. С четвертой стороны склон оказался круче, внизу обзор закрывала довольно большая роща, с виду труднопроходимая.

– Глухомань какая! – снова пробормотал Лукас.

Сейчас его утешали даже звуки собственного голоса.

И зачем он вообще сюда потащился? Зачем понадобилось приглашать его в такое заброшенное место? Старая ферма действительно вдали от всего, но добраться до нее оказалось нетрудно. Здесь им никто не мешает – разве что дикие звери. Еще утром выбранное место казалось ему идеальным. Сейчас им овладела непонятная тревога. Что, если у человека, с которым они договорились здесь увидеться, нестандартное чувство юмора? Что, если он решил поиздеваться над Лукасом – совсем как подлые вороны на дороге?

Хорошо хоть, что сюда он добрался без труда. Тот, кто назначил Лукасу встречу, сообщил, что здешняя ферма называется «Сверчок». «Только не спрашивай, откуда такое название, – добавил он. – Во всяком случае, сверчков здесь точно не разводили».

– Ты уверен, что здесь никто не живет? – осведомился Лу-

кас. – В таких вот глухих, заброшенных местах всякое бывает. Вроде ни одной живой души, как на «Марии Селесте»¹, и вдруг глазом моргнуть не успеешь, как вокруг тебя толпится стадо коров.

– Успокойся, здесь никто не обитает уже лет сто. Хозяйственные постройки давно развалились, дом брошен, окна заколочены. Уж ты мне поверь, – заявил под конец его собеседник.

И все равно Лукасу стало как-то не по себе. Человек, назначивший ему встречу, был старым знакомым. Они много лет не виделись – и вот встретились. В прошлом они сотрудничали весьма плодотворно, Лукас надеялся, что и сейчас их ждет успех. До последнего времени у него не возникало никаких сомнений. Но сейчас, стоя в этом богом забытом месте, он начал тревожиться. Вдруг он сообразил, что ему слишком мало известно о предполагаемом компаньоне. Обычно Лукас полагался на свое чутье, но по натуре был человеком азартным. А ведь у всех азартных игроков, как известно, жизнь идет полосами: белую полосу везения сменяет черная полоса неудач.

Надо было надеть резиновые сапоги. Нет, дело не в сапогах... Надо было самому выбрать место для встречи. Лукас затравленно огляделся по сторонам. В глубине души нарастало дурное предчувствие.

---

¹ «Мария Селеста» – судно, покинутое экипажем по невыясненной причине. Найдено в 1872 г. в 400 милях от Гибралтара. (Здесь и далее примеч. пер.)

Ему обещали, что «мерса» с дороги видно не будет. В самом деле так или... Слева и справа от него пустые, полуразвалившиеся амбары и коровники; сверху давит низкое свинцовое небо. Позади — дом, в котором жили здешние фермеры. Все окна и дверь заколочены досками, почерневшими от дождей и ветра. По всему видно: здесь уже давно никто не живет. Правда, в углу свалена куча металлолома. Кажется, недавно здесь кто-то был. Груда металлического хлама привлекла внимание Лукаса настолько, что он подошел поближе, чтобы лучше ее рассмотреть. Старые поломанные стиральные машины, ржавые кухонные плиты и прочая дрянь. Почти все покрыто ржавчиной. Интересно, откуда это все здесь взялось? Может, какой-нибудь заезжий водитель самосвала украдкой сбросил сюда свой груз, а потом умчался. Лукас неодобрительно покачал головой: за эту груду железа можно кое-что выручить! Правда, сущие пустяки... Не стоит того, чтобы связываться.

В том месте, где двор выходил на дорогу, зиял большой проем. На земле валялись проржавевшие стойки ворот. Самих ворот он нигде не увидел. И отсюда его драгоценный «мерседес» виден как на ладони. Дорогая машина в таком жалком окружении... Каждый обратит на нее внимание. Лучше загнать машину в укрытие. Но куда?

Слева стоял полуразвалившийся коровник без двери, покрытый оцинкованными металлическими листами. Крыша давно прохудилась, от порывов ветра, особенно резкого на

вершине холма, некоторые листья раскачивались и скрипели. Шлепая по грязи, Лукас подошел поближе и заглянул внутрь. Разве тут что-нибудь разглядишь? В коровнике было темно и до сих пор воняло прежними обитателями – точнее, отходами их жизнедеятельности. Лукас сделал несколько осторожных шажков вперед. Загонять сюда машину рискованно – того и гляди, проколешь покрышку. Наверняка на земле полным-полно ржавых острых обломков металлолома – вроде тех, что свалены в кучу в углу двора.

Глаза постепенно привыкали к полумраку. Лукас разглядел стойла. Под ногами хлюпала сгнившая солома. Лукасу вдруг стало любопытно. Когда-то здесь жили люди, вели хозяйство, держали коров, овец... Куда все подевались? Кстати, угодья вокруг довольно обширные. Судя по всему, их давно не используют по назначению. Земля сейчас дорожает. Если здешние угодья продаются и удастся добыть разрешение на перепланировку, может получится выгодное дельце! Да, о таком стоит серьезно подумать. Земля – не груда металлолома. Здесь пахнет большой прибылью. Только на одном этом дворе можно возвести шесть домиков... Или даже восемь, если поставить потеснее. Горожане, которые лелеют в душе мечту о сельской идиллии, раскупят их, как горячие пирожки. В большом городе такой крошечный домик никто не купит. А здесь, в глуши, многие готовы поселиться в настоящей кроличьей норе – был бы камин да красивый вид из окна.

Лукас уже представлял будущие домики – мечту уставших горожан. Хорошенькие коттеджи с остроконечными деревянными навесами над крылечками. Строить надо из местного, котсуолдского камня. Не настоящего, конечно. Найти подделку подешевле. Рядом разместить площадку для парковки. Гараж при доме – вещь хорошая, но дорогая. Да и места для гаражей не хватит... Лукас нехотя выгнал из головы прекрасное видение. Он приехал сюда не для того, чтобы осматривать землю под застройку. Правда, он гордился своей способностью ловить удачу за хвост. Многие его самые успешные деловые предприятия именно так и начинались: он замечал то, чего не видели конкуренты, и молниеносно принимал решение. Умел найти свою нишу.

Лукас сделал еще несколько шагов вперед и оглянулся. В открытом проеме отчетливо виднелся его серебристо-серый «мерседес». Вдруг подумалось: его дорогая машина принадлежит совсем другому миру, отличному от того, где он сейчас находится. Ферма «Сверчок» какая-то... нездешняя, что ли. Здесь жутковато и вместе с тем заурядно. Давным-давно он очутился в том другом мире, постепенно ставшем для него своим. В другом мире действовали другие правила, которых Лукас тогда толком не знал. И тут ему почудилось, что он уже не сумеет вернуться в привычный для него мир. Он сам отрезал себе путь к отступлению, шагнув под прохудившийся навес полуразвалившегося коровника. Дело даже не в том, что здесь все заброшено. Он словно перенесся в другое

время, в параллельное измерение. Попал в зазеркалье. Лукас отчего-то испугался и удивился самому себе. Он много лет ничего и никого не боялся! Решительно повернувшись к свету, он зашагал обратно, торопясь вернуться в мир, который так поспешно и необдуманно покинул.

Он уже почти добрался до порога, почти убедил себя, что бояться нечего, как вдруг увидел слева на полу какую-то темную массу. Должно быть, входя, он прошел совсем рядом, но тогда его глаза еще не привыкли к темноте и он ничего не заметил. Лукас замер на месте. Сердце неприятно сжалось. Его замутило.

– Не глупи! – вслух приказал он себе. – Это всего-навсего мусор... Мусор и отбросы.

Но темная масса на полу притягивала его, как магнит. Он понял, что не уйдет, не осмотрев ее. Сейчас он нагнется и убедится в том, что испугался кучи старого мусора! Лукас осторожно ткнул кучу носком ботинка. Подумаешь, какая-то куртка...

– Да что с тобой такое, Лукас? – пробормотал он себе под нос. – Ты что, привидение увидел? Всего лишь старая розовая женская куртка, и ничего более.

На миг его отпустило, но страх почти тут же вернулся. Куртка вовсе не старая и, если взглянуть, почти не грязная. Такие вещи обычно не выкидывают... Здесь, в старом коровнике, розовая куртка как-то не на месте. Вот обрывок старой мешковины, что валяется рядом, очень даже на месте.

Но зачем, спрашивается, бросать почти новую и совсем не дешевую куртку?

Дорогие туфли тонули в жидкой грязи, смешанной с соломой. Больше не боясь запачкаться, Лукас снова осторожно пнул находку. Под ней лежало что-то твердое. Он пнул еще раз, посильнее. Там что-то большое! Под розовой курткой все не уместилось, поэтому рядом бросили еще и старый мешок.

Лукаса передернуло. Он поспешно отошел в сторону. Повернуться и убежать он не мог, хотя ему очень хотелось. Желание узнать, что там, под розовой курткой, боролось с таким же сильным нежеланием к ней прикасаться. Сама мысль о том, чтобы дотронуться рукой до куртки, вызывала в нем отвращение. Оглянувшись, Лукас увидел, что у стены стоят старые вилы. Взяв их, он осторожно поддел острыми зубцами край мешковины...

Сладковатый специфический запах перебил даже вонь скотного двора. В грязи показались ноги в джинсах, обутые в кроссовки.

– Нет, нет, нет... – прошептал Лукас. – Там совсем не то... Не может быть! – Руки у него дрожали. – Не раскисай! – приказал он себе.

Лукас поддел вилами куртку, отшвырнул ее в сторону и увидел остальное. В голове загудело. Стены коровника вдруг надвинулись на него, крыша придавила сверху. Мало того что он по уши в грязи, теперь он еще и труп нашел!

И не труп лисы, который терзает воронье на дороге, а труп человека... Женщины, точнее, совсем молодой девушки. Глаза покойницы были открыты, она словно обвиняла его в чем-то. Раскрытый рот, ровные белые зубы... Кончик посиневшего языка... Нижняя губа окровавлена, как будто искусана.

Опасаясь, что его сейчас вырвет, Лукас отшвырнул вилы в сторону. Спотыкаясь, он выбрался из коровника и направился к «мерседесу». Обляпанные грязью туфли оставили на коврике черные следы. Ни на что не обращая внимания, он трясущейся рукой вставил ключ в замок зажигания. Ожил мотор. Задним ходом он вывел машину со двора и, выкрутив руль, помчался вперед, к выезду на шоссе.

К счастью, ни встречных, ни попутных машин на дороге не было, иначе Лукас непременно бы в кого-нибудь врезался. А если бы, по счастливой случайности, и избежал столкновения, другой водитель наверняка бы заметил его. Важно, чтобы его никто не увидел! Лукас на полной скорости гнал вперед и не останавливался, пока не добрался до подножия холма и не миновал рощу. За рощей начинались поля. Он притормозил у обочины и нащупал в кармане мобильный телефон.

Слава богу, ему сразу ответили.

– Это я! – прохрипел Лукас. – Не приезжай! Ты слышишь? Не надо ехать на ферму «Сверчок», будь она неладна! Ты сейчас где? Разворачивайся и возвращайся домой. Не спорь!

Объясню потом. Делай как я сказал, и все!

Его прошиб пот, к горлу подступала желчь. Он так спешил поскорее убраться с фермы, что, наверное, изрядно наследил. Подъехал на «мерсе» к самым воротам. Долго топтался во дворе. А еще оставил отпечатки пальцев на вилах. Ну и ладно! Скорее всего, следы смоем еще до вечера. В последнее время льют проливные дожди – как говорится, разверзлись хляби небесные. И сегодня опять обещали осадки. А отпечатки пальцев? Да ладно, они все равно смазанные, нечеткие. Возможно, вилы даже не станут осматривать... Кто не станет? Полиция, конечно.

А что забыли полицейские на ферме «Сверчок»? Туда никто не ездит. Кроме него, конечно, но ему не повезло. Еще очень долго никто не найдет то, на что случайно наткнулся он. Самое главное – никто не должен знать о том, что он побывал на ферме. О встрече известно только им двоим. Он болтать не станет, а тот, другой, не посмеет.

Лукас вздрогнул, услышав грохот и рев мотора – сзади ехала машина. Лукас громко выругался. Машина спускалась с вершины холма. Значит, проехала мимо фермы! Времени на то, чтобы свернуть в поле, не оставалось. Он пригнулся, надеясь, что его не заметят.

Машина прогрохотала мимо. Осторожно приподняв голову, Лукас бросил взгляд на дорогу и увидел хвост фургона-прицепа для перевозки лошадей. Фургончик небольшой, на одну лошадь, обычно их прикрепляют к «лендроверу»

или другому внедорожнику. Да, в такой глуши только лошадей и перевозить! Автомобиль едет быстро – наверное, в прицепе никого нет. Какой-нибудь местный житель спешит по своим делам – ему не до чужих «мерседесов» у обочины.

Лукас понемногу успокоился и стал думать, что делать дальше. Во-первых, выбраться отсюда. Нет, сначала надо понять, не забыл ли он что-то важное?

Конечно, добропорядочный гражданин обязан позвонить в полицию и сообщить о страшной находке. Но у добропорядочных граждан совесть чиста, а у него, Лукаса? Надо признаться, его совесть всегда услужливо шла ему навстречу и редко бунтовала. Вот и сейчас в нем в полный голос заговорил инстинкт самосохранения. Приехав сюда, он допустил оплошность, он свалил дурака уже потому, что позволил втянуть себя в сомнительное предприятие. А если он позвонит властям, то совершит еще одну ошибку, которая добавится к остальным. Никаких разъяснений он себе позволить не может. Полицейские, подбадривая робких, нерешительных свидетелей, всегда обещают, что им это ничем не грозит. Но разве можно верить легавым, которые являются к тебе домой или на работу – не имеет значения в форме или в штатском. Лукас очень дорожит своей репутацией столпа общества, его бизнес основан на доверии. А если какой-нибудь идиот в баре, гольф-клубе или местном пабе начнет распространяться о том, что у Лукаса Бертон побывала полиция («Истинная правда, своими глазами видел, как они уходили»), ему этого

не простят! С сыщиками так всегда: даже если они в штатском, любой с первого взгляда догадается, кто они такие. Даже если ему удастся сочинить убедительную сказку и сплавить легавых, на его репутации появится пятнышко – пусть маленькое, но несмываемое.

Ну а если анонимный звонок? Не со своего мобильного, разумеется. Это слишком рискованно, его обязательно запеленгуют и вычислят, откуда звонили. Наверное, даже личность установят по номеру. Поблизости нет ни одного телефона-автомата, значит, придется искать какой-нибудь деревенский паб. А в пабе чужака обязательно заметят. Если телефон не в отдельном помещении, то завсегдатаи, чего доброго, и разговор подслушают. Нет, анонимный звонок не годится. Значит, пусть труп найдет кто-нибудь другой... Еще лучше, если покойницу вообще не найдут.

Лукас выбрался из машины и медленно обошел ее кругом. Днище и кузов в потеках жидкой грязи – если соседи это увидят, обязательно запомнят... Увидев большую лужу, Лукас смочил в ней носовой платок и попробовал отчистить борта, но только еще больше размазал грязь. Остается надеяться, что никто не заметит его возвращения. Он попробовал так же, платком, отчистить туфли – и тоже безрезультатно.

Махнув рукой на машину и на туфли, он посмотрел на часы. Напрасно потратил почти двадцать минут! Ничего себе – целых двадцать минут! Мимо мог кто-то проехать и увидеть, как он старательно трет грязную машину носовым платком.

Мелкие капли дождя усеяли лобовое стекло, забрызгали ему лицо. Опять заморосило. С него хватит, пора возвращаться. Потом, попозже, он как следует отмое «мерседес», отчистится от жидкой противной грязи. Ну и местечко!

Лукас погнал вперед. Неприятное приключение лишний раз подтверждало справедливость его суждений о деревне. За городом всегда полно неприятных сюрпризов. Если не коровы, то покойники.

Глава 2

«Лендровер» и пустой фургон-прицеп поравнялись с указателем: «П. Говер. Конюшня «Беррихилл». Прокат лошадей. Конноспортивная школа». «Лендровер» тут же свернул налево, на грунтовую дорогу, и, проехав по ней немного, остановился на территории конюшни.

Денники стояли двумя параллельными рядами. Поилкой служила старая эмалированная ванна. Сама Пенни (она же П. Говер) и все имеющиеся у нее в распоряжении помощники трудились, не жалея сил. Пенни очень хотелось, чтобы ее конюшня выглядела хоть чуточку поизящнее. Клиенты готовы платить гораздо щедрее, если их питомцы содержатся в настоящей, то есть кирпичной, конюшне, а тренироваться можно на обустроенном поле с всепогодным покрытием... Пенни вздохнула. Мечтать, конечно, не вредно, но кирпичная конюшня и хорошее тренировочное поле стоят больших денег. Все твердят, как сговорились: чтобы получать прибыль, нужно вначале много вложить в предприятие. Но как вложить то, чего у тебя нет? Надо радоваться и тому, что есть! Может быть, ее конюшня и не самая шикарная, но, когда она ее купила, здесь было полное запустение, она с тех пор горы свернула. Жаль, что ее труд почти никто не ценит.

Заслышав ее шаги, некоторые обитатели конюшни встре-
пенулись. Над загородками показались длинные морды. Но

Соло, который когда-то первым распознавал знакомый шум мотора и высовывал голову, чтобы приветствовать ржанием любимую хозяйку, так и не показался.

Пенни сразу увидела, что у нее посетители. Две машины. Одна стоит рядом с ее так называемой конторой, а другая – у ворот загона. Ближнюю машину, темно-синий «фольксваген-пассат», она узнала сразу – значит, приехал Эндрю Феррис. Пенни надеялась, что он ждет не очень долго. Забрызганный грязью старый «ягуар», стоящий у загона, она тоже узнала: он принадлежал Селине Фоскотт. Значит, мамаша с дочуркой тоже здесь.

Пенни распахнула дверцу и сразу увидела Эндрю. Тот стоял, опершись на ограду, и смотрел в загон. Недавно они с Эндрю поставили в одном конце поля несколько низких барьеров. Эндрю, как загипнотизированный, наблюдал за крошечной фигуркой на гнедом пони с белыми голеньями. Пони прижал уши и, подчиняясь приказу, кавалерийским галопом подскочил к красно-белым параллельным брускам. Но в самый последний миг пони дернулся, всадник вылетел из седла и с глухим стуком упал на землю у самого барьера. Правда, крошечная фигурка тут же перекатилась на бок и села. Пони же загарцевал на месте, храпя, как дракон. Его тут же схватила за поводья жилистая фигура в дождевике, показывая, кто здесь хозяин. Пони всхрапнул и топнул передним копытом, но серьезного сопротивления не оказал.

– Чарли! – завопила жилистая фигура. – Нечего там про-

хлаждаться! Марш в седло!

– Извини, Эндрю, – сказала Пенни, подходя к загородке. – Я забирала фургон у Илая Смита. Если помнишь, Соло пытался вышибить стенку копытом, ну и... Илай обещал починить.

– Ну и как, починил?

– Ну да. Илай почти все умеет чинить, когда захочет. К счастью, он сам вызвался мне помочь, иначе ремонт обошелся бы в целое состояние. А Илай с меня ни гроша не берет за свою работу. Надеюсь, Чарли не очень больно.

– Да, наверное, – ответил Эндрю, окидывая крошечную фигурку бесстрастным взглядом. – Дети – они ведь прыгучие, верно?

– Если повезет. Чарли падает уже не в первый раз.

– Давай-давай, Чарли, шевелись!

Маленькая фигурка у подножия брусьев встала на ноги и с унылым видом поплелась к пони.

Эндрю удивленно присвистнул:

– Да ведь это же девочка!

– Ну да, девочка. А ты не знал?

– В таком наряде мальчика от девочки не отличишь. Вот теперь вижу – у нее длинные волосы. Должно быть, она подоткнула их под шапочку, а теперь волосы выбились. А почему ее зовут Чарли?

– Ее полное имя Шарлотт. Но мне кажется, что ее матери хотелось мальчика. Ты мамашу узнал? Селина Фоскотт. Вон

она распоряжается.

– То-то я вижу – вроде смахивает на старушку Селину. Настоящая мегера, правда? Она больше похожа на армейского сержанта-инструктора, чем на любящую мамашу. Значит, Шарлотт... Шарлотт Фоскотт. Не очень удачное сочетание.

– Селина – настоящая зануда. Пошли в контору.

Проходя мимо денников, Эндрю заметил:

– Минут двадцать назад Линдси уехала на прогулку с учеником – тем смешным типом с торчащими коленками.

– Его зовут мистер Причард. Он занялся верховой ездой для расширения кругозора. Так он сказал. По-моему, ему бы больше подошли занятия акварелью. Но он очень хочет научиться ездить верхом... А главное, за свои уроки он платит!

Они добрались до конторы, переделанной из крайнего денника. С первого взгляда становилось ясно, что контору используют и как амуничник. Седла аккуратно висят на специальных колышках, ниже размещается другое снаряжение. О том, что здесь же находится и контора, можно было судить по низкому расшатанному столику (который торжественно именовался «письменным») да паре старых деревянных стульев. Напротив стены со снаряжением повесили полки. На нижней рядом с коробками для документов и выщербленными жестянками стояли два цилиндра для верховой езды. Из-за отсутствия окон обе створки двери в конторе приходилось почти все время держать нараспашку. Чтобы они не захлопывались, их крепили к крючкам, вбитым в стенки соседних

денников. Двери стояли распахнутыми в любую погоду – и в жару, и в дождь. С первого взгляда казалось, будто конюшня расположена на довольно большой площади, хотя Пенни прекрасно понимала: у нее ужасно тесно. За стеной фыркал Соло, время от времени лягая копытом тонкую перегородку.

Эндрю окинул контору мрачным взглядом и вздохнул.

– Не бойся, Энди. В конторе я не держу ни денег, ни важных документов. Никаких отчетов или налоговых деклараций! Все они хранятся у меня дома. Здесь только журнал записей на уроки верховой езды и всякие мелочи.

Не переставая говорить, Пенни достала мобильник и аккуратно выложила его на стол рядом с журналом, заложенным многочисленными закладками, и белым конвертом, к которому была приколота записка: «Это оставил Мик Маккензи, когда заходил».

– Счет, – вздохнула Пенни. – Можно и не вскрывать – я и так знаю, что там. Платить-то все равно придется... Мик хороший ветеринар, но не может себе позволить иметь клиентов, которым не по карману его услуги.

– А счет-то большой? – озабоченно поинтересовался Эндрю.

– Для меня любой счет большой! Естественно, владельцы лошадей на постое платят сами. Но недавно пришлось вызывать Мика к моим подопечным... – Пенни искоса посмотрела на Эндрю. – Ты, наверное, для того и приехал, чтобы обсудить мое сложное финансовое положение? Если тебе не

трудно, поставь, пожалуйста, чайник. Ты к нему ближе.

Чтобы поставить чайник, вначале пришлось зажечь плитку, работавшую на сжиженном газе.

– Кстати, зря ты пользуешься газовой плиткой, да еще на баллонном газе... Перекрытия деревянные, лошади совсем рядом! – Эндрю ткнул пальцем в газовый баллон. – Такие плитки предназначены для открытых дворики!

– Мы с Линдси зажигаем газ, только когда у нас перерыв или гость вроде тебя. А сам по себе газ не взорвется, – запальчиво возразила Пенни.

– А если все-таки взорвется, все, что находится в твоей так называемой конторе, тут же сгорит. Ты бы хоть отвозила газовый баллон домой в конце рабочего дня!

– Энди, мне не хочется думать о пожарах и прочих катастрофах. Мне и без того неприятностей хватает – того и гляди, стану банкротом. И потом, я не могу таскать с собой повсюду газовый баллон!

– До банкротства тебе еще далеко, – возразил он, – по крайней мере пока. Но тебе, Пенни, нужно увеличить доход. Я серьезно, дело-то не терпит!

– У меня ни одного свободного денника. Пока я не могу принимать новых лошадей на постой. Конечно, можно отказаться от конторы, снова превратить ее в денник, но тогда мне негде будет беседовать с клиентами, которые хотят что-то обсудить. И нам с Линдси негде будет держать все наши вещи. Кстати, возможно, скоро придется покупать еще одно-

го пони для уроков верховой езды. Нужно только найти подходящего. Соло стареет и становится все капризнее. Раньше он отлично переносил перевозку в фургоне, а позавчера почему-то взбунтовался – прямо сам не свой. Ветеринар считает, что он ослеп на один глаз. Если Мик прав, Соло больше не годится для уроков верховой езды. Он опасен для учеников – и вообще для окружающих. Что будет с ним дальше – и говорить боюсь. Я не могу даже выпустить его. Если он действительно ослеп, то может от страха лягнуть или укусить кого-нибудь. Его опасно держать здесь. Если же с учеником что-то случится, моей страховки не хватит, чтобы покрыть несчастный случай. Возможно, мне и сейчас не удастся свести концы с концами – ведь Мик Маккензи прислал новый счет! – Пенни всплеснула руками. – Посмотрим правде в глаза. Бедняга стал бесполезен, он стал обузой. – Она повертела в руках так и не вскрытый белый конверт. – А может, там его приговор, а вовсе не счет? Смертный приговор для Соло...

– Значит, придется пустить ему пулю в голову?

– Даже думать об этом не хочется. Какое-то время пусть попасется в леваде, но в конце концов... слепой конь есть слепой конь. Пока от него только одни расходы, а пользы никакой. – Пенни намотала на палец длинную каштановую прядь и смерила своего собеседника жалким взглядом.

– Но ведь уроки верховой езды вы проводите? Попробуй приглашать больше учеников. Может, обойдешься и без Соло?

– Без бедняги Соло – нет. И потом, нас с Линдси на все не хватает. Если одна из нас уезжает с учеником на верховую прогулку, второй приходится справляться со всем остальным. Ни у нее, ни у меня нет отпуска – ни одного нормального отпуска! Хотя на Пасху Линдси брала две недели – муж потребовал. Ты даже представить не можешь, как трудно мне пришлось без нее!

Эндрю как будто оскорбился:

– Но ведь я тебе тогда помогал!

– Извини, я не хотела тебя обидеть. Да, я прекрасно помню, как ты мне помогал, и очень тебе благодарна. Я очень признательна тебе, Эндрю, за все... Ты ведешь мою бухгалтерию, а с меня фактически ничего не берешь. Ты всегда приезжаешь ко мне, помогаешь выбивать денники, укрепляешь ограду, ставишь препятствия на конкурном поле... Ты делаешь все, что я ни попрошу. Ты – мой самый лучший друг!

Феррис окинул Пенни выразительным взглядом.

– Энди, не надо. Не забывай, ты ведь женат.

– Как ни странно, я еще помню об этом! Карен уже неделю в Португалии, плавает по реке под названием Дору. Вернется она только через неделю, пробудет дома несколько дней, а потом снова уедет... кажется, в Центральную Европу.

– Эндрю, она ведь сотрудница турагентства, гид. Ее работа не сахар!

– Да знаю я, знаю, что она много работает! И знаю, что ра-

бота ей очень нравится. Ни за что не стал бы просить, чтобы она ее бросила. Но мы с Карен прекрасно знаем: брак наш разбит. Как только кому-то из нас надоест ждать и молчать, между нами все будет кончено. Я жду, пока она первая скажет, что уходит. А она, наверное, ждет, пока то же самое скажу я.

– Эндрю, не забывай, я не веду в газете колонку советов по личным делам! – решительно возразила Пенни. – Кстати, даже если бы ты и не был женат, мы бы с тобой вместе не ужились: пусть я и не нянчусь со взрослыми обеспеченными лоботрясами, которые любят ездить в круизы, зато я все время провожу здесь, на конюшне.

– Моя милая старушка мама, – кротко заметил Эндрю, – часто читала романы в мягкой обложке... Так вот, герои в них женились по любви.

– Я не читаю романов в мягкой обложке – кстати, и ты тоже!

Он поморщился и закатил глаза:

– Жестокий, жестокий мир!

– Вот именно. Какой уж есть...

Дверной проем загородила чья-то тень. Оба подняли головы.

– Опять дождь, – сухо сообщила Селина Фоскотт. – Султана мы отвели в денник. Чарли сейчас его расседлывает. А вот и она!

Девочка с трудом перешагнула порог, сгибаясь под тяже-

стью седла. Сзади по грязи волочилась уздечка.

– Бросай все сюда! – распорядилась мамаша. – Ну как, порядок?

Последний вопрос относился к Пенни. Но та не успела заметить, что снаряжение в грязь лучше не бросать.

– Извините, нам пора, – заявила Селина. – Чарли, бегом в машину! Может, мы приедем завтра, если погода не испортится окончательно. А если испортится... тогда ждите нас в следующие выходные. – Мамаша Фоскотт развернулась и быстро зашагала прочь.

– Теперь понимаешь, о чем я? – прошептала Пенни. – Султана кое-как запихали в денник, кое-как расседлали, а снаряжение швырнули на пол в амуничной... Она даже не заикнулась о том, чтобы вычистить пони, расчесать ему гриву и хвост, раскрючковать копыта... Кстати, и снаряжение нечищено! – Она посмотрела на лежащее на полу седло и вздохнула. – Все бросили на меня и на Линдси.

– Именно это входит в плату за постой – по крайней мере, она так считает.

– Селина не права. Она платит вовсе не за это! Она платит за то, чтобы животное здесь содержали в чистоте, хорошо кормили и разминали... Мы разминаем Султана, если Чарли долго не приезжает во время учебного года. Ведь лошадь нуждается в постоянном внимании... Я уже не говорю о том, что уход отнимает много времени. Ее плата не возмещает ущерба от такого дня, как сегодня. Они явились вдвоем в

плохую погоду, девочка немного поработала – и все. Грязного, потного пони поставили в денник! Какое невежество! Все равно что швырнуть грязное белье на пол в ванной и ждать, чтобы кто-то другой поднял его и выстирал! И вообще, когда животное заводишь, о нем нужно заботиться. Я ей не слуга!

– Так скажи ей об этом.

– С Селиной невозможно разговаривать.

– Тогда пусть забирает пони, свою капризную дочку и убивается куда хочет.

Пенни вздохнула:

– Селина решила сделать из Чарли чемпионку – правда, ни сама Чарли, ни Султан особого рвения не выказывают. Значит, у Чарли будут одна за другой появляться новые лошади, и всех она захочет держать на моей конюшне.

– Увеличь плату.

– Не могу. Я и так беру с нее по максимуму. Может быть, ты не заметил, но конюшня у меня не самая роскошная.

– Я люблю тебя.

– Вот видишь! Энди, новые сложности мне ни к чему. И потом, ты меня не любишь. Ты восхищаешься мной, потому что я упорно вкалываю, несмотря ни на что, хотя мне самой постоянно требуется помощь. И ты меня поддерживаешь, и Линдси самоотверженно трудится с утра до вечера... Кроме того, Илай Смит сдает мне участок за сущие гроши и разрешает выгонять лошадей попасться на соседнее поле. Вообще-то там уже не моя земля, а его, но Илай ничего не сеет...

Эндрю снова нахмурился:

– Илай – старый чудака. И такой обидчивый!

– Ну да, обидчивый... Зато на него можно положиться. А я все время боюсь одного: когда-нибудь ему предложат крупную сумму за его землю, и он не устоит. И тогда... в общем, конец всему. Мне земля не по карману.

Чайник тем временем закипел, тесное помещенье наполнилось паром. Эндрю заварил чай и протянул Пенни шербатую чашку.

– Спасибо... – Она вздохнула. – Кстати, раз уж речь зашла об Илае, странно... – Пенни замолчала.

– Что тут может быть странного? Если не считать самого Илая.

Пенни сделала глоток, обожгла язык, ойкнула и поставила чашку на конверт со счетом от ветеринара Маккензи.

– На обратном пути я проезжала мимо его бывшей фермы. Помнишь, ферма на холме – там и жилой дом был, и хозяйственные постройки. Илай хранит там свои запасы.

– Значит, он называет свой металлолом «запасами»?

– Ну да, именно так.

– А по-моему, он просто старый барахольщик. Нравится ему собирать всякий хлам! Кстати, почему он сам не живет там, на холме?

– Потому что в доме водятся привидения, кого угодно спроси – я имею в виду стариков. Там когда-то произошло ужасное преступление. – Пенни снова замолчала.

– А, да. Кажется, мне о нем рассказывали. А Илай не упускает случая напомнить... Что ж, молодец! Слухи о привидениях отпугивают любопытных. Он не хочет, чтобы там шныряли чужаки и что-то вынюхивали.

– Не знаю, кто положил начало слухам, может, сам Илай, а может, и нет... Зачем он все придумал? В общем, он давно уже не живет на холме и землю не трогает. Поэтому местные и считают, что в том доме действительно нечисто. Не знаю, верит ли сам Илай в то, что в его родительском доме водятся привидения. И все же ферма, наверное, постоянно напоминает ему о том, о чем он хочет забыть. В определенном смысле привидения населяют не дом, а его собственную душу... Ты понимаешь, о чем я?

– Наверное, именно поэтому одни верят в привидения, а другие – нет. Призраки обитают внутри, а не снаружи.

Наступила неловкая пауза.

– Слушай, – наконец решилась Пенни, – вот что показалось мне странным. Я видела машину, когда проезжала мимо фермы... Если помнишь, там есть съезд на поле. Так вот, у обочины стоял «мерседес». Такой модный, серебристый. Уверена, ни у кого из здешних такой машины нет.

– Наверное, водитель остановился, чтобы сбегать в кусты. Зов природы!

– Нет, все не так. Водитель сидел в машине, а когда заметил меня, попытался спрятаться – скрючился, чтобы его не было видно. Но я хорошо его разглядела.

– Ага! Здесь какая-то тайна. Я поеду назад тем же путем и проверю, там ли он еще.

– Сомневаюсь.

– Если бы он направлялся сюда, мы бы его увидели.

– Не обязательно. Мы ведь долго стояли, повернувшись в другую сторону. Наблюдали, как Чарли берет препятствия на Султане. Кстати, надо пойти к бедному Султану, почистить его.

Эндрю задумчиво спросил:

– У тебя есть номер телефона Илая?

– Мобильный есть, а что?

– Позвоню-ка я ему – пусть на всякий случай съездит на холм. То есть... насколько нам известно, там у него один хлам. Но Илай себе на уме. Вдруг у него на ферме спрятано что-то ценное? Может, он специально распускает слухи о привидениях, чтобы незваные гости его не ограбили? Если у него на холме тайно ошивался чужак, который к тому же не хотел, чтобы ты его видела, Илая непременно нужно о нем знать.

Пенни взяла с полки старую потрепанную тетрадку:

– Вот, пожалуйста – список самых нужных телефонов. Здесь есть номер Илая. Энди, еще раз спасибо, что заехал, но мне нужно идти чистить Султана.

Она вышла, а Эндрю принялся листать импровизированный телефонный справочник.

Глава 3

– Кто-нибудь помнит об отпечатках протекторов? Там уже столько машин проехало... Они давным-давно изгадили все следы! – воскликнул сержант Фил Мортон.

Он притормозил в хвосте длинной вереницы машин на обочине, которые съезжали с шоссе на грунтовую дорогу, ведущую к ферме. Фил Мортон досадовал по праву. Если раньше на участке еще и были какие-то следы, теперь их уже не найдешь. Они вышли, и Мортон поднял повыше воротник. Заморосил мелкий, противный дождик, предсказанный метеорологами, – плохие прогнозы, как правило, сбываются. Паршивое лето плавно переползало в гнетущую осень.

– Молодец Дейв Наджент – отпуск в Португалии, в Алгарве. Играет там в гольф и мажется кремом от загара! – пробормотал Мортон, вспомнив еще один повод для недовольства.

– Здесь доктор Палмер, – заметила Джесс, когда они проходили мимо знакомой «тойоты».

Фил только фыркнул:

– Да ему-то что? Любимая работа подвернулась!

– Фил, такой работе никто не обрадуется. Перестань ворчать!

Мортон считался у них в управлении закоренелым брюзгой. За то недолгое время, что они работали вместе, Джесс

Кемпбелл успела привыкнуть к его ворчанию, обычно даже внимания не обращала. Но сегодня, под вечер пятницы, она устала и с нетерпением ждала выходных.

Они поравнялись с двумя транспортными средствами, стоявшими у ворот фермы. Джесс недовольно покачала головой, узнав патрульную машину. За ней стоял старый грузовичок с открытым кузовом, доверху нагруженный сломанными бытовыми электроприборами, побитыми кухонными плитами, поцарапанными стиральными машинами и прочим металлоломом. Она углядела даже большую сломанную кофеварку. Когда они поравнялись с кабиной, распахнулась дверца и на землю прыгнул приземистый пожилой толстяк в старом свитере и грязных джинсах. Джесс он смерил враждебным взглядом.

– Вы кто такие? – буркнул он.

– Инспектор Кемпбелл, – представилась Джесс и указала на Фила: – Сержант Мортон.

Фил, как положено, показал свое служебное удостоверение.

Черные глазки впились в удостоверение. Внимательно прочитав его, толстяк развернулся к Джесс и осмотрел ее не менее тщательно. Затем он глухо проворчал – казалось, звуки исходили откуда-то из-под неряшливого свитера:

– Я Илай Смит, а здесь... – он махнул загорелой рукой, – здесь, к вашему сведению, моя ферма, моя земля.

– Это вы звонили в полицию и сообщили о трупе?

– Да, – проворчал Смит, поджимая губы. – Значит, женщина?

– Насколько я понимаю, труп женский, – ответила Джесс, словно нарочно неправильно истолковывая замечание толстяка.

Черные глазки блеснули. Джесс подумала: Илай Смит – совсем не дурак. Хотя, видимо, иногда не прочь изобразить полного болвана.

– Ну да, по всему видно. Я к ней близко не подходил. Сразу вас вызвал. Возиться с покойниками – ваше дело, – надменно добавил Илай. – Мое дело металлолом собирать.

– Вижу. – Джесс оглядела содержимое грузовичка. – Где вы столько насобирали?

– Все законно! – тут же вскинулся Смит. – У меня и расписки имеются!

– Значит, мистер Смит, землю вы не возделываете? – для проформы поинтересовался Мортон.

В черных глазках мелькнуло презрение.

– Нет, не возделываю. Сейчас фермерством немного занимаешься. Вот и держу землю до поры до времени.

– До какого времени?

– А! – Мистер Смит провел мозолистым пальцем по крылу носа. – Сами знаете.

Джесс вздохнула:

– Мистер Смит, расскажите, как вы обнаружили тело.

Илай явно заволновался. Несмотря на сильный загар, ли-

цо его побагровело.

– В моих владениях! Нарушение частной территории – вот как это называется!

– Вы не возделываете землю, и как же используете участок?

– Храню свои запасы, – с достоинством ответил Смит. – А что?

– Да нет, ничего. Пожалуйста! Значит, фермерством вы не занимаетесь... А сами здесь живете?

Илай Смит наградил Джесс еще одним презрительным взглядом:

– Нет, не живу. Вы сначала на дом взгляните, а потом задавайте свои дурацкие вопросы. Дом-то заколочен! Со-всем разваливается... Крыша прохудилась. – Илай состроил скорбную мину. – Конечно, разве ремонт по карману бедно-му старику?

– Почему тогда не продадите ферму? – спросил Фил. Ему надоело переминаться с ноги на ногу под дождем.

– Да я ведь вам уже сказал, – мрачно ответил Смит, – придержи-ваю до поры до времени.

– Совсем рехнулся, – прошептал Фил Мортон.

Джесс отошла от них на несколько шагов и посмотрела на ферму со стороны дороги. Интересно, что видно отсюда проходим или из окон проносящихся мимо машин? Она до-верху застегнула молнию своей непромокаемой куртки, а ру-ки сунула в карманы. Жалко, что нельзя сейчас надвинуть

капюшон на самый лоб. Стрижка у нее очень короткая, голова успела промокнуть. И все же надевать капюшон как-то... недостойно, что ли. В капюшоне, плотно прилегающем к голове, она похожа на туристку, которая заглянула на место преступления из праздного любопытства. Более того, сотрудникам полиции нужно сразу узнавать ее в лицо. Так король на поле битвы поднимает забрало, чтобы войско видело – командир на месте...

Джесс улыбнулась и тряхнула короткими рыжевато-каштановыми волосами. Надо же так переутомиться! Ну что за бред! Какой из нее король? Подумаешь, Генрих V! Она – обыкновенная сотрудница полиции, а сегодня вдобавок пятница. Интересно, почему убийцы всегда как нарочно подгадывают свои черные дела под праздник или выходной?

Тихий внутренний голос подсказывал: «Такая уж у тебя работа, сама ее выбрала. Поступив в полицию, ты добровольно отказалась от нормальной жизни». Внутренний голос почему-то говорил с мамиными интонациями. Ни отец, ни мать не одобряли ее желания служить в полиции. Они нехотя смирились с выбором дочери, но мать по-прежнему не считала ее службу достойным занятием и называла ее «напрасной жертвой». Однажды Джесс, не подумав, брякнула: «И чем же я пожертвовала?» «Жизнью, которой у тебя теперь нет!» – безжалостно отрезала мать. Больше Джесс вопросов не задавала.

Ее отец большую часть жизни носил военную форму и от-

носился к профессии Джесс с большим почтением, хотя и он часто жалел, что дочь не выбрала себе другое занятие.

– Не скажу, что одобряю, – заявил он, узнав о ее решении. – Не такой доли я желал бы для тебя. Но раз ты сама так решила, что ж... Достойное занятие. Но скоро ты поймешь, как это трудно.

Одно время Джесс думала: наверное, отец считал, что служба в полиции очень скоро покажется ей невыносимой и она сама подаст в отставку. Но Джесс продолжала служить, а отец больше об этом не говорил.

Тем временем Фил, стоящий рядом с Илаем Смитом, возобновил допрос свидетеля. Краем глаза Джесс следила за ними – оба выразительно жестикулировали. Фил все больше раздражался. Ну а свидетель явно находился в воинственном настроении. Его большая круглая голова почти утонула между могучими плечами. Он мрачно смотрел на Филадельфию. На первый взгляд старик Смит держится вызывающе, но на самом деле его воинственность – всего лишь дымовая завеса. Он явно что-то скрывает и, похоже, чего-то боится...

– Итак, мистер Смит, сегодня вы приехали сюда, чтобы выгрузить из кузова металлолом. Кажется, именно так вы выразились по телефону? – подчеркнуто добродушно про-рокотал Мортон.

– Вот именно! Вы ведь и сами все знаете. Сколько раз можно повторять одно и то же!

– Значит, сегодня вы оказались здесь совершенно случай-

но? То есть вы не навещаете ферму регулярно, а бываете, так сказать, от случая к случаю?

— Ну да, время от времени... — Илай отвел глаза в сторону.

— А сегодня приехали только для того, чтобы выгрузить металлолом? Вас здесь никто не ждал?

— Интересно, кому меня здесь ждать? Здесь никого нет.

— Вы не заехали во двор. Остановились здесь, на обочине дороги. И как вы собирались выгружать то, что привезли? — Фил указал на кузов грузовичка, битком набитый старыми бытовыми приборами. — Неужели таскали бы такие тяжести на себе? Ничего себе работенка! А почему вы не заехали внутрь? Чего уж проще — влезли в кузов и скинули груз!

Своей упертостью Фил Мортон напоминал терьера. Он не успокаивался, пока не получал удовлетворительного ответа на любой свой вопрос. Худощавый, невысокий — рост на нижней отметке допустимого для сотрудников полиции, — Фил прекрасно понимал, что не в габаритах залог успеха. Джесс ценила сержанта по достоинству, они с Филом неплохо ладили. И все же работать с ним не очень легко. Сейчас, глядя на сержанта, вспомнила зрелище, популярное в Средние века, а позже запрещенное: травля собаками привязанного быка. Вот на что похожа их работа. Мелкие, но решительные собаки злобно набрасываются на крупного, неповоротливого свидетеля... Такой метод часто срабатывает, когда приходится иметь дело с так называемыми трудными, но

простодушными свидетелями. Но выйдет ли толк из их беседы с Илаем Смитом? Заранее сказать трудно...

– Решил вначале оглядеться, – как-то виновато, словно оправдываясь, пояснил Илай.

– Вы так всегда поступаете – вначале оглядываетесь, потом заезжаете во двор?

– Не всегда, но в последнее время... шляются тут всякие, никогда не знаешь, что найдешь.

– Вы имеете в виду кого-то конкретно?

– Нет, я так, вообще...

У Джесс не осталось сомнений: Илай определенно что-то недоговаривает. Он долго молчал, видимо, собирался с духом.

– И хорошо, что я не заехал прямо во двор. Потому что у меня в коровнике лежит покойница! – Илай насупился. – По какому праву? Я ведь не нарочно ее нашел. Знать ее не знаю! С какой стати она оказалась здесь? Надеюсь, вы ее увезете с собой... Вы ведь не оставите ее на моей земле?

Джесс подошла к Мортону и Смигу.

– Мистер Смит, вы пережили сильное потрясение. – Она наградила старика сочувственной улыбкой. Свидетель взбодражен, его нужно успокоить. Но почему он так нервничает? Что он недоговаривает? Возможно, ему есть что скрывать. – Как только вернетесь домой, выпейте горячего чая.

Старик вздрогнул и, отвернувшись от Мортонa, смерил ее неодобрительным взглядом:

– Потрясение, говорите? – Илай Смит так и буравил ее черными глазками. – Ах, потрясение... Ну да, конечно. У меня неприятностей и так выше крыши. Мне хватило... тем более здесь. Ей нечего здесь делать, совсем нечего! Кто-то нарочно приволок ее сюда и бросил, вот что я думаю. Какой-нибудь мерзавец нарочно мне напакостил, подстроил, чтобы я ее нашел... Так нечестно!

Старик все больше волновался. Джесс решила на время оставить его в покое и едва заметно кивнула Мортону.

– Пока достаточно, мистер Смит, спасибо. Пойду взгляну на нее. Если вам не трудно, расскажите обо всем, пожалуйста, еще раз. Сержант запишет ваши показания. Заодно сообщите свои данные: адрес, телефон...

Илай Смит встревоженно покосился на Фила:

– Мне придется что-то подписывать?

– Не сейчас. Попозже, когда мы распечатаем ваши показания. Либо вы придете в участок, либо мы сами к вам заедем, – сказал Мортон.

– А-а... – протянул Илай и снова отвел глаза в сторону.

– Что-то не так, сэр?

Илай шмыгнул носом:

– Писать-то я не умею... Ничего, если крестик поставлю?

По раскисшей грязи осторожно пробирались фигуры в белых халатах. С огромным трудом они добрались до открытого коровника и зашли внутрь. Между стойками отсутствующи-

щих ворот успели натянуть сине-белую заградительную ленту. Обнесенный участок охранял констебль. Увидев Джесс, он услужливо приподнял ленту, чтобы инспектору легче было под нее поднырнуть.

– Как ваша фамилия? – спросила она.

– Уикем, мэм!

– Вы не в курсе, кто принял звонок?

– Нет, мэм. Кто-то позвонил в дежурную часть. Они передали сигнал нам с Джеффом Мюрреем – наша машина находилась ближе всех. Мы сразу же приехали сюда и увидели старика... – Уикем показал на Илая Смита.

Тот разразился гневной тирадой, подкрепляя ее возбужденным размахиванием рук. Фил, крепко сжимая в одной руке блокнот, другой отчаянно жестикулировал, очевидно пытаясь успокоить разбушевавшегося свидетеля. У обоих был донельзя забавный вид: казалось, будто Фил пытается отмахнуться от надоедливой мухи.

Сердитый старик явно в очередной раз напоминал сержанту о том, что находится на своей земле. Больше всего Смита потрясло не то, что он увидел труп, его возмущало, что покойница посмела оказаться в его владениях, точнее, в его коровнике. Он был потрясен, оскорблен и до смерти напуган.

– Значит, вы с Мюрреем зашли в тот коровник или хлев... и что дальше?

– Ну да, зашли. Вначале-то мы ему не поверили. Решили,

что старик перебрал самогона...

– Он пошел с вами?

Уикем покачал головой:

– Да что вы! Он остался на обочине. Сказал: мол, уже видел все, что надо, один раз, а больше не хочет. Мы подумали, если у него в коровнике в самом деле лежит труп, не стоит затапывать следы, ну и оставили старика, где он стоял, а сами с Мюрреем вошли туда.

Констебль неуклюже переминался с ноги на ногу, на секунду Джесс показалось, что его вот-вот вырвет.

– Жуть, – признался он.

– Вам еще не приходилось видеть погибших насильственной смертью?

Констебль очень молод, наверное, в первый раз видит труп... Что ж, у каждого сотрудника полиции когда-то бывает первая встреча с жертвами убийства. Несмотря на специальную подготовку, потрясение испытывают все.

– Нет, что вы! – смутился констебль.

Джесс поняла: парню неприятно признаваться в своей слабости, тем более инспектору-женщине. Джесс пожалела его и не стала выражать сочувствие. Тем более что они с напарником кое в чем напортачили...

– В следующий раз, когда окажетесь на месте предполагаемого убийства, не убирайте машину с дороги. Экспертам придется разбираться в отпечатках протекторов на траве.

Получив выговор, констебль вспыхнул:

– Да... извините! – Он поспешно добавил: – Зато я разглядел краску... я уже показал ее экспертам. – Он ткнул пальцем себе за плечо, туда, где работала бригада криминалистов.

– Какую краску? – удивилась Джесс.

В ответ констебль показал на ближнюю к нему стойку ворот. На фоне ржавчины выделялось серебристое пятнышко. Джесс нагнулась и осмотрела его. Пятно совсем свежее: видимо, недавно здесь проезжала машина, и водитель задел стойку крылом. Скорее всего, водитель очень спешил. Куда он ехал – сюда или отсюда? Краска явно не с грузовичка Смита. Надо сделать соскоб и отправить его на экспертизу. Скоро они узнают марку машины. Разные автопроизводители используют разные типы красок. Да, пятно – настоящая удача!

– Вы молодчина! – похвалила его Джесс.

Констебль Уикем вздохнул с облегчением.

* * *

Из коровника вышел Том Палмер.

– Приветствую, инспектор Кемпбелл! – улыбнулся он.

До того как Джесс перевели сюда, ей приходилось сотрудничать в основном с пожилыми патологоанатомами, которые давно свыклись со своей работой и к жертвам насильственной смерти относились вполне хладнокровно. Палмер же мо-

лод и еще не успел очерстветь душой. Темноволосый, черноглазый доктор Палмер – уроженец Корнуолла, в его речи явно слышится корнуолльский акцент. Может быть, когда-то у корнуолльских берегов потерпел крушение испанский корабль, какой-нибудь моряк доплыл до берега и женился на местной девушке.

– Я закончил. Жертва – молодая женщина, возраст – около двадцати лет. По-моему, ее задушили. Об этом свидетельствуют характерные кровоподтеки на шее, лопнувшие капилляры в глазах. Язык высунут наружу. Губы искусаны до крови. Видимо, она слабо сопротивлялась, потому что почти сразу потеряла сознание. После вскрытия смогу сообщить вам больше.

– Когда наступила смерть? – спросила Джесс.

– Пока точно сказать не могу, но, по-моему, не очень давно. Судя по тому, что трупное окоченение постепенно проходит... наверное, часов тридцать назад. Подробности потом. – Палмер снял тонкие резиновые перчатки. – Ну и местечко здесь – прямо жуть берет! Ты на дом, на дом взгляни. Так и видится картинка: в темную грозовую ночь из чердачного окна вылетает Дракула...

– Ну вот только Дракулы мне не хватает, – усмехнулась Джесс. – У меня и так каждый день триллеры в натуральном виде.

Она вошла в коровник. Покойница по-прежнему лежала на земле, криминалисты свою работу уже закончили. После

того как Джесс осмотрит задушенную девушку, ее увезут в морг, и тогда к делу приступит Том Палмер.

Несколько секунд Джесс молча стояла на месте – смерть требует уважительного к себе отношения. Оперативники и криминалисты равно склонны к черному юмору – надо же им как-то сбрасывать напряжение, – но несчастную жертву нельзя не пожалеть. Правда, на первый взгляд мертвую девушку можно принять за старый манекен в натуральную величину, выброшенный за ненадобностью. Руки и ноги вывернуты как-то неправдоподобно, неуклюже. Джесс стало горько. Не все становятся жертвами преступников, но все рано или поздно переходят в мир иной... Родители всегда говорили об умерших: «Перешли в мир иной», когда она была маленькая и мама с папой знали, что она слышит их разговор.

Она подошла поближе и наклонилась над трупом. Совсем молодая – скорее всего, ей и двадцати нет... Хотя лицо перекошено в предсмертной гримасе, видно, что щеки еще по-детски пухлые. Должно быть, она была хорошенькой. Кожа чистая, волосы светлые, длинные, густые... Похоже, она натуральная блондинка, при этом глаза карие. Под глазами темные круги – на синяки не похоже, скорее потеки туши. Джесс мысленно представила, как светловолосая девушка старательно красит ресницы перед зеркалом...

И одета хорошо – новые джинсы, белая футболка, правда испачканная в грязи, относительно новые кроссовки. Рядом

валяется ярко-розовая непромокаемая куртка, явно новая. Вещь недешевая... Возможно, удастся найти магазин, где она купила куртку, – такие яркие продаются не везде. Может быть, продавец даже вспомнит девушку, которой приглянулась ярко-розовая куртка.

Никаких украшений. Ни сережек, ни наручных часов. В таком случае сразу напрашивается версия убийства с целью ограбления. Но грабители редко душат жертву. Они, как правило, пускают в ход нож.

Послышались чавкающие шаги. К Джесс подошел эксперт-криминалист. Наверное, хочет посмотреть, не тошнит ли ее, как молодого констебля. Но Джесс уже научилась в нужные минуты надевать маску безразличия. Она повернулась к эксперту и выразительно подняла брови:

– Вы взяли соскоб краски со стойки ворот?

– Да, и гипсовые слепки отпечатков протекторов тоже сняли. Кто-то очень неаккуратно разворачивался... – Эксперт оглядел двор. В густой жирной грязи стояли пластиковые палаточки, похожие на колпачки, какими огородники укрывают молодую рассаду от заморозков. – А там осматривать? – Он показал на бывший жилой дом. – Окна и двери заколочены, как будто дом зачумлен.

– Только с согласия владельца. – Джесс нахмурилась. Илай Смит, наверное, еще воюет с Филом Муртоном. – Сейчас спрошу, есть ли у него ключ, и объясню, что мы собираемся обыскать дом.

Джесс вышла во двор, где ее ждал Палмер. Убедившись, что никто на нее не смотрит, она набрала в грудь побольше воздуха и резко выдохнула, словно выгоняя из организма смертельно ядовитые испарения. Если Палмер и заметит, чем она занимается, он ее не высмеет. Он поймет.

Палмер улыбнулся.

– Могло быть и хуже, – заметил он.

– Да, знаю. Но она совсем девочка! Можешь забирать, мне она пока не нужна, – сказала Джесс.

Молодых убивают чаще... У женщин постарше больше жизненного опыта. Они не пойдут на свидание с первым встречным, редко ходят в одиночку в бар и ночной клуб, не садятся в машину к незнакомым людям. И проституцией занимаются молодые, а часто совсем юные... Но молодая покойница из коровника совсем не похожа на девушку легкого поведения. Обычная симпатичная девчонка. Такие, как она, не должны валяться в заброшенных коровниках... В пятницу вечером они активно готовятся к выходным: обзванивают подружек, назначают свидание или бездумно ходят по магазинам – в общем, по выражению матери Джесс, «живут нормальной жизнью».

Подумать только, к каким непредвиденным последствиям приводит так называемая нормальная жизнь! Джесс нахмурилась. Еще одна галочка для отдела статистики... Труп лежит в коровнике на грязной соломе. Скоро его вскроют, извлекут внутренние органы, почти разберут по косточкам...

Жизнь несчастной жертвы тоже изучат во всех подробностях – если, конечно, девушку опознают. Хотя, какое там «если»? Тридцать часов – долгий срок, ее уже, наверное, хватились.

Том Палмер как бы невзначай заметил:

– Говорят, в понедельник приезжает новенький? Вот и будет ему дельце для затравки!

– А то я не знаю! – поморщилась Джесс. Палмер ухмыльнулся.

Хорошо Тому забавляться, его это не коснется. В понедельник на службу выходит ее новый начальник – новая, так сказать, метла. И наверняка сразу начнет устанавливать свои порядки.

Со стороны дороги, хлюпая по грязи, шагал Фил Мортон. Вид у сержанта был мрачный, но довольный.

– Записал я его показания – слово в слово. Он все время повторяет одно и то же: приехал, чтобы выгрузить металлолом, почему-то сразу во двор не поехал, а решил оглядеться, заглянул в коровник и нашел труп. Посылаю на распечатку. Пока все логично, но... – Глядя в свои записи, он вдруг замолчал.

– Что такое? – насторожилась Джесс. – По-твоему, он что-то скрывает? Чего-то боится?

– Мертвецки боится, – кивнул Мортон, не обратив внимания на зловещий подтекст. – Только ни за что не признается. Такой старикашка будет стоять на своем до последнего, из него лишнего слова не вытянешь. Он уже сказал все, что

нам, по его мнению, нужно знать, и все.

– Пробей его по базе, – посоветовала Джесс. – И заодно его ферму – она называется «Сверчок». Может, здесь еще что-то когда-то происходило?

Фил поднял брови и окинул двор выразительным взглядом.

– Скупка краденого? – предположил он.

– Не обязательно. Скорее всего, штраф за вождение без акцизного диска или с просроченной страховкой. Я вовсе не считаю его врагом народа номер один. Но не сомневаюсь: ему уже приходилось иметь дело с полицией. Что-то он подозрительно сильно нервничает.

– По-моему, – заявил Фил, у которого, как ни крути, день выдался пропащий, – вряд ли нам от него будет толк. Здесь, в деревне, все друг друга знают и стоят друг за друга горой. Деревенские терпеть не могут, когда чужаки суют нос в их дела. Это надо же – писать не умеет!

Джесс вздохнула, сдерживая раздражение:

– Он мог остаться неграмотным по многим причинам. Судя по всему, он немолод – ему уже за шестьдесят. Раньше детям, которые плохо писали, почти не ставили диагноз «дислексия». Вот тебе одна причина. А может быть, редко ходил в школу. Например, должен был помогать родителям на ферме... Мы не знаем. И не забывай, неграмотный – не значит дурак. Согласна, он чудной старик, не хочет распространяться о своих делишках – тоже вполне понятно. Но как

только до него дойдет, что нас не волнует, где он добывает свои старые плиты и стиральные машины, он, может быть, разговорится.

– Слушай-ка! – воскликнул Мортон. – Если он не умеет писать, то и читать, наверное, тоже не умеет. Как же он прочтет свои показания, перед тем как подписать их?

– Фил, вспомни должностную инструкцию. Зачитай ему протокол вслух, а внизу припиши, что протокол зачитан тобой, и не забудь указать, что ты же записывал показания. Сделай примечание, что свидетель неграмотен, а потом распишись сам, проставь дату и время.

– Он спрашивает, можно ли ему ехать домой. Я записал его адрес. Он вон там живет. – Мортон махнул рукой в сторону вершины холма. – Говорит, его дом у самой развилки с грунтовой дорогой и стоит отдельно от других.

Джесс покачала головой:

– Мне нужно еще кое о чем его спросить!

Илай следил за ее приближением с крайне недоверчивым и неодобрительным видом.

– Мистер Смит, нам необходимо осмотреть жилой дом! – решительно заявила Джесс. Старик, конечно, будет против, но ничего не поделаешь.

– Зачем еще? – буркнул Илай, выставя вперед подбородок и часто моргая. – Покойница-то не в доме, а в коровнике! Дом-то тут при чем?

– Мы обязаны произвести обыск на месте преступления.

Ее последние слова оказали на Смита неожиданное действие. Джесс заметила: обветренное, кирпичного цвета лицо старика смертельно побледнело.

– Вы же все осмотрели, – хрипло прокаркал старик. – Видели все, что вам нужно. Видели и двор, и коровник, и дом снаружи.

– Но мы не заходили внутрь! Мистер Смит, ничего не поделаешь... Обещаю, мы будем очень осторожны. Ничего не попортим, не ломаем...

– Нет, нет! – Илай разволновался, замахал руками. – Дом заколочен! Там никого не было с... да уж лет тридцать как!

– Да, снаружи действительно создается впечатление, что дом заколочен, – терпеливо возразила Джесс. – Но может быть, злоумышленнику все же удалось незаметно проникнуть внутрь, а потом замести следы?

Илай метнул на нее полный ужаса взгляд.

– Надеюсь, вы понимаете – мы обязаны осмотреть дом изнутри.

Илай понуро опустил голову:

– Все заперто... Даже если вы отдерете доски, все равно в дом не попадете. Никого там не было. Если бы туда кто проник, как вы говорите, я бы обязательно заметил. Да только никто туда не заходил. Дом заперт, все заперто.

– У вас есть ключи?

– Есть... – нехотя промямлил Илай после паузы, в течение которой он кусал губы и разглядывал Джесс. Наверное, со-

ображал, как поступают сотрудники полиции, если он не даст им ключи. Конечно, они не станут долго думать, а просто взломают дверь. — Дома у меня, где я живу...

— Сержант Мортон поедет с вами и возьмет ключи.

Илай не сдвинулся с места.

— В чем дело, мистер Смит?

Джесс нахмурилась. Старик не просто волнуется. Вид у него был совсем больной. На лбу выступили крупные капли пота. Непонятно, почему он так тяжело реагирует на просьбу, — то ли боится, что они что-то найдут в закованном доме, то ли расстроился по какой-то другой причине. Только бы не сердечный приступ!

Она ласково спросила:

— Что с вами, мистер Смит?

Илай наклонился к ней, словно собирался что-то сообщить по секрету.

— А они что скажут обо всей вашей кутерьме? — хрипло прошептал он. — Им это не понравится!

— Кто такие «они»? — спросила Джесс.

Илай часто-часто заморгал. Потом он как будто опомнился.

— Соседи, — нехотя буркнул он. — Их хлебом не корми, дай почесать языками!

С этими словами он развернулся, заковылял к своему грузовичку и влез в кабину.

— Фил, езжай за ним и возьми ключи, — сказала Джесс. —

Пока больше ни о чем его не спрашивай. Старику сейчас плохо, а лет ему уже немало. Только пусть не притворяется, будто не может найти ключи. Не слезай с него! Он сильно беспокоится насчет соседей-сплетников.

– Соседей? – Мортон смерил ее недоверчивым взглядом и обвел рукой окружающие их мокрые деревья и пустые поля. – О чем старый дурак толкует? Нет у него никаких соседей!

Глава 4

Лукас вернулся к себе. Обычно, входя в свой изящный георгианский домик в Челтнеме, он преисполнялся гордостью за свое жилище. Особнячок стоял в ряду таких же домов – белых или пастельных. Раньше, когда Челтнем был модным курортом и сюда приезжали «на воды», в высокие подъемные окна, выходящие на дорогу, можно было видеть кареты. Современным обитателям Челтнема суждено любоваться разве что проносящимися по шоссе машинами. И все же его особняк выглядел достойно и очень богато.

Лукасу льстило, что у него такой роскошный дом. Он любил рассказывать новым знакомым, что начал с нуля, у него не было никаких преимуществ, а пробился он исключительно своим трудом. Все, что у него есть, нажито только собственными силами. Кроме челтнемского особняка, у него есть и квартира в Лондоне, в районе доков. Он ночует там нечасто, только если приходится приезжать в столицу по делам. Квартиру он купил в новом доме – несмотря на внешнюю роскошь и блеск, сразу видно, что это так называемый новострой.

Челтнемский особняк был совсем не такой. Правда, пять лет назад, когда Лукас его купил, дом пребывал в плачевном состоянии. Если можно так выразиться, особняк напоминал почтенного вдовца, который очутился в стесненных обсто-

ательствах. Из-за плохого состояния и древнего оборудования удалось значительно сбить цену. Зато потом Лукас истратил целое состояние на ремонт и оснащение. В цену входили и услуги очень дорогого дизайнера. Сначала Лукасу не понравилось дизайнерское решение: голубые и желтые тона интерьера показались ему слишком женственными. Зато теперь он видел, что художник оказался прав. Цветовая гамма подчеркивает и высокие потолки, и резные карнизы, и лепные розы на потолке, и мебель соответствующей эпохи – ее Лукас подбирал уже сам.

Гости у него бывают не так уж часто. Живет он один. Когда-то, в ранней молодости, он был женат, но очень недолго. После развода Лукас решил, что не создан для семейной жизни. Ну а сейчас тем более... Если сейчас он женится, а потом выяснится, что они с супругой не сошлись характерами, развод обойдется ему в несколько миллионов.

Разумеется, женщины в его жизни были. О его записной книжке в кругах знакомых ходили легенды. Там записаны телефоны доступных красоток, с которыми можно в случае необходимости прогуляться в Лондон. Все девицы прекрасно понимали, что они – лишь номера в его телефонной книжке и не более того. Однако, выводя их в свет, Лукас не скупился, а если они «хорошо себя вели», то обычно получали и дорогие подарки. Деловое соглашение, как и все в жизни Лукаса. Его спутницы оставались довольны. Если какая-то из них выпадала из списка, он быстро находил ей замену. В

общем, по сути, все его кратковременные спутницы – шлюхи, но шлюхи дорогие, высокого класса. Официально все они называются «моделями» или «актрисами». К его чести, со всеми своими подружками он умудряется сохранять искренние, дружеские отношения. Все они считают его «славым малым». Да и они ему по-настоящему нравятся. Просто не хочется вступать ни с кем из них в более длительные отношения.

Время от времени Лукас заводил романы и с замужними женщинами, скучающими богачками, которым некуда девать время и хочется приключений. Все они знали, что на Лукаса можно положиться – он не станет болтать и хвастать. Он прекрасно понимал, что его любовницы всего лишь развлекаются. Ему, как и им, нравится бросать вызов судьбе, нравится рисковать. Он всегда надеялся, что глупостей его замужние любовницы не наделают. До сих пор все оправдывали его доверие. Но что-то всегда случается в первый раз...

Мужчины, как правило, тоже считали Лукаса «славым малым». Разумеется, кроме тех, кто пытался его подставить, они обзывали Лукаса Бертон «подонком» и другими, более обидными словами. Лукас не любил обидчиков и не прощал подстав. В остальном он считался человеком слова, немного себе на уме. Обмануть его было трудно. Он ухитрялся оставаться в рамках приличий даже с теми, кого обошел в делах, – в результате врагов он за свою жизнь почти не нажил. Все сходились на том, что у Лукаса – море обаяния. Послед-

нее нехотя признавали даже те, кто его недолюбливал.

Но сейчас Лукасу было не до обаяния. Даже когда он вошел в дом, настроение у него не поднялось, как обычно. Чувствовал он себя паршиво. Он загнал «мерседес» в арендуемый гараж, стоящий в трех кварталах от дома, заперся изнутри и попытался отмыть с машины грязь. Пожалуй, единственный недостаток домов георгианской эпохи заключается в том, что при них нет гаражей. Там же он почистил туфли. Надо как можно скорее от них избавиться! Скинув туфли в холле, он окинул их мрачным взглядом – туфли могут его выдать! По химическому составу почвы нетрудно определить, из какой она части страны. Если сыщики до него доберутся, они быстро поймут, что его машина побывала на ферме «Сверчок». От «мерседеса» так просто не избавишься, и ехать на мойку тоже рискованно. Такая грязная машина неизбежно привлечет внимание и нежелательные пересуды. Лукас постарался как можно тщательнее отмыть ее, хоть и понимал, что экспертиза какие-нибудь следы все равно обнаружит.

По пути домой он выкинул в мусорный контейнер грязные тряпки и запачканный носовой платок. Но грязная машина и заляпанные туфли – еще не все. Отмывая машину, он вдруг с ужасом заметил царапину на левом боковом зеркале. Царапина небольшая, но место заметное. Главное, он сам не помнит, когда поцарапал машину. Может, на ферме, а может, после того, как в страхе рванул прочь и остановил-

ся на обочине, чтобы позвонить. Если он поцарапал зеркало о каменную ограду, еще куда ни шло. Тогда он был в таком состоянии, что ничего не заметил. И гораздо хуже, если он поцарапал машину на той поганой ферме. В таком случае он оставил след на месте преступления!

– Место преступления! – вслух буркнул Лукас, наливая себе виски. Да, легавые именно так определяют то место, когда найдут труп. Рано или поздно покойницу найдут. Чем позже, тем лучше. Надеяться на то, что труп не обнаружат никогда, глупо. Несколько минут, стоя на краю поля, он позволил себе надеяться на лучшее. Но он – реалист. Рано или поздно на заброшенную ферму обязательно кто-нибудь наведается.

Придется заняться царапиной самому. В автосервис обращаться нельзя. Там его знают. Нельзя и кустарям звонить, которые приезжают на дом для мелкого ремонта... Ничего не поделаешь, надо замазать царапину самостоятельно. Черт побери, неужели он не справится? Сколько старых драндулетов он сменил в юности! Завтра же первым делом он закрасит царапину, и дело с концом! Если он будет действовать аккуратно, его ни за что не поймают. Да и с чего бы его должны искать? Только если тот, другой, его выдаст... Кстати, вот еще о чем нужно позаботиться сегодня. В отличие от царапины, последнее дело до завтра не терпит.

Не выпуская из рук бокала с виски, Лукас вышел в кухню. Готовкой он не занимался – разве что утром иногда жарил себе тост. Еду он заказывал на дом или питался в ресторанах.

Но сегодня общаться с кем-либо не хотелось – он слишком взволнован, его состояние могут заметить. Есть тоже не особенно хочется, зато мутит. Надо чем-то набить живот.

Лукас один за другим открывал кухонные шкафчики – практически пусто, лишь самое необходимое для завтрака: апельсиновый джем, кофе, чай, давнишняя вскрытая пачка сахара, пролежавшая уже с полгода, недоеденная коробка кукурузных хлопьев и – неизвестно откуда – банка сардин. Он не помнил, когда и почему купил рыбные консервы. В холодильнике тоже ничего нет, кроме масла, молока и шести банок светлого пива. Хоть бы сыр нашелся! Сыр есть у всех.

Лукасу впервые за долгое время стало не по себе. Какое жалкое зрелище – его так называемые запасы! Он всегда считал себя человеком, который выше домашних хлопот. А сейчас вдруг понял, кто он такой – стареющий холостяк. Ни детей, ни жены или любовницы. Никому-то он не нужен! Даже услужливым подружкам. Им на него наплевать. Когда-то ему казалось, что отсутствие всяких обязательств и есть настоящая свобода. А сейчас именно по этой причине он кажется себе жалким неудачником. Просто не верится! Лукас решительно отогнал мрачные мысли. Да что ему будет-то? Подумаешь, увидел труп!

После долгих поисков он нашел пачку шоколадного сухого печенья – должно быть, домработница припасла, чтобы было с чем распивать чай. Она приходит убирать трижды в неделю, но работы у нее немного. К счастью, до понедельни-

ка ее не будет. Наверное, она же и сардины притащила. Интересно, зачем ей сардины?

Лукас допил виски, сварил себе кофе и, прихватив чашку и печенье, поднялся в кабинет – надо сообразить, что делать дальше. Чтобы думать, ему нужна ясная голова.

Он уже успокоился. Можно звонить человеку, с которым он условился, а потом срочно отменил встречу. После такого фокуса с тем типом уж точно никаких дел быть не может. Ох и возмутится же он! Придется на него надавить – что-то, а давить Лукас умеет. Чем больше он думает обо всем, что произошло сегодня, тем меньше ему нравится странное «совпадение». Людей убивают где угодно и покойников подбрасывают куда угодно, но труп в коровнике как будто специально поджидал его. Почему труп оказался именно в том месте, где знакомый назначил ему встречу?

Нет, нет, совпадения чаще всего бывают в кино да в книжках. В жизни совпадения тоже случаются, но тут нужно убедиться наверняка. Может, он стал жертвой чьей-то злой шутки? Может, один из тех, кого он удачно обошел в делах, не поддался на его вошедшее в поговорку обаяние? Может, кто-то таким образом захотел ему отомстить?

Если его в самом деле подставили, надо выяснить, чьих рук это дело. И тогда шутнику придется иметь дело совсем с другим Лукасом – Лукасом, лишенным всякого обаяния. В молодости он считался крутым парнем...

Лукасу не верилось в то, что пакость ему подстроил че-

ловек, с которым они уговорились встретиться, потому что для пакостей с той стороны он не видел никаких причин. Нет, труп подбросил кто-то другой, узнав о предполагаемой встрече. Да, скорее всего, так и есть! Черт побери, он ведь взял со своего знакомого слово молчать и думал, что они друг друга поняли. Молчание в их общих интересах.

Лукас вытащил мобильник, пробежался по списку контактов и нажал кнопку с нужным номером.

– Это я, – сухо заговорил он, когда ему ответили. – Ты сейчас один? Тогда слушай. Всякое общение прекращаем. Да, прекращаем! На той ферме лежал труп. Нет, я не пьян! Какого дьявола ты выбрал именно это место? Я зашел в какой-то сарай или коровник и увидел труп! Да, я уверен! Откуда мне знать, кто это! Рано или поздно труп найдут и туда нагрянут легавые. Так вот, имей в виду: меня там не было! Мы с тобой никогда не договаривались там встретиться. Так и говори и не отступай. Мы с тобой едва знакомы, никаких общих дел у нас нет. Да, все именно так – мы шапочно знакомы и так все и останется впредь...

Его собеседник принялся пылко возражать.

– Заткнись! – перебил его Лукас. – Теперь другое. Мне очень не хочется думать, что меня подставили...

Снова поток пылких уверений.

Лукас только отмахнулся:

– Брось, тебя я ни в чем не обвиняю! Но если не ты, то кто? Может, ты не вовремя язык распустил? Намекнул где не

надо... Хотя как-то... Показал кому-нибудь клочок бумаги, а на нем написаны мое имя, номер телефона или название той проклятой фермы? Может, кто-нибудь случайно подслушал наш с тобой разговор?

Его собеседник снова принялся энергично возражать.

– Ладно! – Лукас поморщился. – В совпадения я не верю, и мне не нравится, что я очутился в таком дерьме. Похоже, меня все-таки подставили – а может, не только меня, а нас обоих. Я хочу выяснить, кто меня подставил и почему. Так и знай, я обязательно все выясню!

Когда Джесс поздно вечером вернулась домой, на прищверном коврике валялся мятый конверт с незнакомым штемпелем. Она нагнулась, подняла конверт и радостно улыбнулась. Наконец-то Саймон нашел время написать! Письма от брата-близнеца приходили редко и нерегулярно. Саймон врач и служит в крупной благотворительной организации, а потому регулярно оказывается в разных горячих точках. Служба у него очень опасная, и почтовое сообщение нерегулярное. Кроме того, у Саймона почти не бывает свободного времени. Скорее всего, и это письмо он нацарапал ночью, наспех, при тусклом свете керосинки. Настоящая редкость!

Джесс сунула письмо в карман – она прочтет его потом, не спеша – и толкнула дверь, закрывая ее за собой.

Квартирка у нее маленькая, но ей подходит, потому что,

помимо всего прочего, платить за нее приходится совсем немного. А пылесосить и убирать свое жилище у нее нет ни времени, ни желания. С другой стороны, по натуре она чистюля и терпеть не может жить в свинарнике, поэтому к мебелировке подошла ответственно. У нее в квартире только самое необходимое и никаких украшений и сувениров, лишь одна семейная фотография. На ней ей и Саймону лет по двенадцать. Тогда они находились в Корнуолле, где родители снимали дачу.

На фото близнецы стоят рядом, на солнце их рыжие волосы кажутся просто ослепительными, и улыбаются в камеру. Джесс обеими руками обнимает за шею их любимца – лабрадора. Они всегда брали его с собой. Они даже за границу в отпуск ни разу не съездили всей семьей до тех пор, пока пес не отправился в собачий рай. Они долго плакали, а потом похоронили любимца на заднем дворе. Вообще семья часто путешествовала, то есть переезжала с места на место. Отец служил в армии. Когда Джесс была маленькой, они довольно долго жили на военной базе НАТО в Германии. Родители столько раз меняли место жительства, что во время отпуска им не хотелось штурмовать аэропорты или паромы. Может быть, именно из-за кочевой жизни в детстве они с Саймоном, повзрослев, так нигде и не осели. Саймон путешествует по всему миру, да и она, сотрудник уголовной полиции, колесит, правда, не с таким размахом, как брат, в основном по своему участку, и почти никогда не работает с девяти до пя-

ти. Вот и сегодня... Жизнь каждый день подбрасывает сюрпризы.

Джесс улыбнулась своей семье и попыталась вспомнить, кто же их фотографировал, ведь на снимке они все вчетвером. Так и не вспомнив, отправилась переодеваться.

Она вошла в спальню и скинула мокрую, грязную одежду. Приняв душ, вымыв голову и переодевшись в чистую футболку, она почувствовала себя гораздо лучше. Прежнюю усталость смыло вместе с грязью с фермы «Сверчок». Приободрившись, Джесс вернулась в гостиную и включила радио – местный канал. Ни один репортер не добрался до фермы «Сверчок». Вряд ли весть о покойнице проникла в средства массовой информации. Позже надо будет посмотреть новости, возможно, к тому времени на местный телеканал уже сообщат о трупe, найденном в коровнике. Уж больно место неподходящее... Для желтой прессы такие происшествия что манна небесная.

Джесс вздохнула. Ох, как не хочется, чтобы СМИ пронюхали об убийстве до понедельника. Если не удастся за выходные установить личность жертвы, помощь прессы и телевидения, конечно, понадобится, но сейчас совсем не хочется, чтобы ферма «Сверчок» замелькала в новостях. Зато потом должным образом отретушированный снимок, возможно, наведет кого-нибудь из читателей или зрителей на нужные воспоминания.

Больше всего не хочется, чтобы репортеры в выходные до-

саждали Илаю Смиту. Джесс сразу поняла: Смиту почему-то очень страшно. Да и кто на его месте не испугался бы? Труп-то нашли в его владениях. И все же Смит как-то уж слишком дергается. Жаль, что он живет один. Если к нему нагрянут настырные репортеры, ему придется туго.

Завтра в десять Смиту велели явиться в участок и подписать показания. Фил Мортон все устроит. Теоретически сама Джесс может не появляться на работе до понедельника, зато практически ничего не получится. Придется работать в выходные.

Во-первых, при расследовании убийства важно действовать по горячим следам. Во-вторых, что тоже очень важно, в понедельник к своим обязанностям приступит суперинтендент Иен Картер. Перед ним придется отчитаться – что они успели сделать за выходные.

О новичке почти ничего не известно. Он прибыл с другого конца страны, и они понятия не имеют, почему он вдруг попросил о переводе или почему его перевели именно сюда. Один знакомый, пожилой сотрудник полиции в отставке, сообщил Джесс, что у Картера огромный опыт.

– Кажется, много лет назад мы с ним играли в регби, только в разных командах, – добавил тот же знакомый.

А больше она ничего о Картере не знает. Даже его фотографию не видела. Воображение рисовало ей крупного, крепкого мужчину в твидовом пиджаке, бывшего регбиста, который безуспешно борется с избыточным весом.

Значит, планы на завтра такие: встать рано, выйти на утреннюю пробежку, вернуться, позавтракать – и вперед на работу, в управление полиции. Надо узнать, что происходит. Позже наведаться на ферму «Сверчок» и тщательно все там осмотреть. Совсем рядом с фермой, за рощей, какая-то конюшня. Придется допросить всех, кто там побывал на прошлой неделе.

До вечернего выпуска новостей на своей крохотной кухне Джесс успела приготовить для себя нехитрый ужин. Вскипятила воду, засыпала туда макароны. К сваренным макаронам добавила коробочку тунца и баночку соуса песто. Обеденного стола у нее не было – за ним все равно некому сидеть. Поставив тарелку на поднос, она устроилась перед телевизором. Рядом с подносом на журнальном столике лежало письмо от Саймона.

У Илая Смита обеденный стол был. Фил Мортон предположил правильно: старик жил очень уединенно. Смит обитал, можно сказать, среди поля, в бывшем домике для рабочих. Таких домиков на территории фермы «Сверчок» оказалось четыре. Два, с общей стеной, так обветшали со временем, что жить в них стало невозможно. Два других, отдельно стоящие, находились в полутора километрах друг от друга и были еще вполне пригодны для жилья. В одном Илай жил сам, а другой он сдавал Пенни Говер. Фактически Пенни была его ближайшей соседкой, но жила так далеко, что они по-

что не виделись – разве что Илай выбирался на ферму. Иногда он заодно взбирался на холм и навещал ее в конюшне.

Илай Смит хорошо относился к лошадям и любил смотреть на них. Когда он был мальчишкой, отец держал на ферме тягловых лошадей. Позже их заменил трактор. Это называлось «модернизацией». Вместе с лошадьми ферму покинули и рабочие. Илай грустил, он видел, что и отец тоже горюет. Редкий случай, когда их с отцом мнения совпали. Правда, лошади – звали их Долли и Флоренс – тогда уже состарились. Когда ведешь хозяйство на земле, не до сентиментальностей. А уж на ферме «Сверчок» тем более.

С тыльной части домика Илай устроил мастерскую. Переоборудовал ее из сарайчика, крытого рифленным железом, в который провел электричество из дома. Там он мог шуметь и стучать сколько угодно – никто не услышит. Никто не станет возражать. Никто не придет и не полюбопытствует, чем это он занимается. Илай терпеть не мог, когда кто-то совал нос в чужие дела, тоже с детства. Легавые – вот кто без конца лезет куда не просят. Илай сразу понял: ни к чему говорить им больше, чем им нужно знать. Ну да, труп в коровнике – их дело. Но и только – ни больше ни меньше.

В тот вечер за квадратным сосновым столом в кухне собралось все семейство. Илай сразу понял: они знают, что случилось, и обязательно объявятся, поэтому ничему не удивлялся. Отец сидел напротив него, во главе стола, мать слева, а брат – справа.

Они приходили не каждый день, как правило, являлись раз или два в неделю. Илай относился к ним, как обычно относятся к родственникам, пришедшим в гости. То есть не сказать чтобы он им особенно радовался. С другой стороны, они не утомляют его нудными разговорами. Все правильно, мертвецы редко бывают болтливыми.

Их теперешняя молчаливость куда лучше того, что бывало раньше, когда все они были живыми. Он терпеть не мог постоянные ссоры, стычки и взаимные обвинения. Хотя родственнички ухитряются досаждают ему даже молча... даже сейчас!

Например, братец неизменно является с веревкой на шее. Илай раздражался до крайности: со стороны Натана такое поведение не только бестактно, но и грешит неточностью. Натан повесился в тюремной камере на наволочке, которую разорвал на полосы и связал. Где бы он раздобыл в тюрьме настоящую веревку? Как похоже на Натана – вечно прикидывается, будто он умнее, чем есть на самом деле.

Мать сидит угрюмая, мрачно косится на грязную, заросшую жиром плиту (да чтоб ему провалиться, если он станет чистить плиту, чтобы угодить ей!) и промокает кровавое пятно на груди кухонным полотенцем.

Отец смотрит куда-то поверх плеча Илая – в окно у него за спиной. Отцовская рубаша тоже вся в крови, но отцу все равно. Илай считал: мать нарочно промокает кровь, потому что сидит напротив Натана и хочет напомнить ему, что он

натворил. А Натану хоть бы что – сидит себе и ухмыляется да теребит веревку на шее.

– Не знаю, чему ты так радуешься, Нат! – обратился к брату Илай. – Тут у нас еще кое-кого прикончили, так что ты теперь не единственный убийца на ферме. Не такой уж ты и особенный!

Натан снова потрогал свою веревку и ухмыльнулся. Натану никогда и слова не скажи – он всегда прав.

Мать отвернулась от плиты и смерила Илая мрачным взглядом. Она всегда винила его во всех несчастьях, которые случались на ферме. А ведь дело-то было вовсе не в нем! Дело было в Натане. Ну а отец по-прежнему все глазел в окно. Илай понял, что отцу уже все известно, потому что лицо у него перекосилось – как раньше, как всегда. Илай поспешил оправдаться:

– Ну да, легавые собираются обыскать дом, но я ни при чем! Я говорил им, что там никого не было с тех пор, как Натан... сделал то, что сделал. Но они потребовали ключи. И нечего меня винить!

Но они все равно всегда обвиняли во всем именно его.

– Убирайтесь! – приказал им Илай, устав от их молчаливого неодобрения. Они во всем винят его, но и он не обязан вечно терпеть их общество.

Они послушно исчезли, растаяли за старыми обоями с рисунком – бутылками кьянти. Илай покачал головой. Какой идиот придумал такой рисунок? Даже в кухне выглядит по-

дурачки. Когда-нибудь он до них доберется – сорвет их и окрасит стены краской.

– Хотя нет, лучше не стоит, – сказал он старой трехцветной кошке, которая как раз вошла в кухню. Кошка терпеть не могла его родичей и всегда опрометью выбегала за дверь, как только они появлялись. – Лучше ничего не менять. Им не понравится, будет только новый повод дуться на меня.

Кошка шла осторожно, крадучись. И лишь убедившись в том, что его гости ушли, запрыгнула к Илаю на колени, потерлась головой об угол стола и попыталась стащить остатки еды с его тарелки.

Что, если молодая покойница из коровника теперь тоже будет являться вместе с родителями и братом? В конце концов, нашли-то ее здесь, на ферме! Значит, она теперь им вроде как родня.

Пока подогревалась вчерашняя вареная картошка с беконом, Илай думал: вот теперь-то его родственнички наконец ушли. Они со старенькой кошкой Изабеллой, которую он звал Тибс, снова остались одни... до поры до времени.

Учуяв запах бекона, кошка собралась запрыгнуть на плиту.

Но родственнички непременно вернуться.

Глава 5

Джесс сразу же поняла, что утро субботы – неподходящее время для визита в платную конюшню, особенно в такую, где не только держат лошадей, но и дают уроки верховой езды. Выйдя из машины, она обвела взглядом два ряда обветшалых деревянных денников, крытых рифленым железом. Крышу не мешало бы залатать. Как здесь, должно быть, шумно в дождь, когда капли барабанят по крыше! Впрочем, здешние лошади, наверное, привыкли. Посередине дворика стоит старая эмалированная ванна – импровизированная полка. В ближайшем к ней углу громоздятся кипы прессованного сена и свежая, еще дымящаяся куча конского навоза. В дальнем углу несколько машин, за оградой Джесс разглядела подобие тренировочного поля, на котором поставили несколько невысоких барьеров.

Она приехала рано, но здесь жизнь начинается еще раньше. Денники уже вычищены, кроме запаха самих лошадей и навоза, в ноздри лезет пряный аромат соломы. Сейчас еще не холодно, и лошади, наверное, почти весь день пасутся в леваде. Несколько животных чистили какие-то люди – наверное, владельцы. Видимо, приехали покататься на своих любимцах. Очень маленькая девочка – ручки у нее едва дотягивались до холки – энергично обрабатывала щеткой упитанного пони. Впереди стояли два оседланных коня. На

одного из них неуклюже взбирался наездник – высокий и тощий молодой человек. Конь, чуя страх человека, прядал ушами и нетерпеливо бил копытами. Он бы, наверное, сбросил неопытного седока, если бы не крепкая, дородная женщина, которая держала коня за повод, гладила его по шее и успокаивала обоих – и коня, и всадника.

– Легче, легче... Как вы, мистер Причард?

– Отлично, Линдси! – как-то слишком бодро отвечал молодой человек.

Линдси отпустила повод, и мистер Причард явно испугался.

Джесс подошла ближе:

– Доброе утро. Вы – хозяйка конюшни?

Линдси повернулась к ней и улыбнулась. Лицо у нее оказалось сплошь усыпано веснушками.

– Нет. Хозяйка – Пенни, Пенни Говер. Она сейчас в конторе. – Линдси ткнула пальцем в денник за своей спиной. – Хотите брать уроки верховой езды или взять лошадку напрокат? Если вы не записались заранее...

– Нет. – Джесс достала удостоверение и показала Линдси.

– А, вот оно что... – протянула Линдси. – Значит, вы по поводу того грязного дела на ферме «Сверчок»?

Беспокойство, явственно звучавшее в ее голосе, почуял и конь, на котором сидел неопытный всадник по фамилии Причард. Конь снова топнул копытом и попятился.

– Тпру! Успокойся! – испуганно выдохнул Причард.

– Не волнуйтесь, мистер Причард, все в порядке. Погладьте его по шее!

Причард слегка наклонился вперед и опасливо похлопал коня ладонью по шее.

Джесс подумала: вряд ли мистеру Причарду суждено стать чемпионом...

– А вы кто? – спросила Джесс у веснушчатой женщины.

– Линдси. Линдси Харпер. Правда, я вам ничем помочь не смогу, – поспешно добавила Линдси. – В пятницу я была здесь, но только потому, что мистер Причард приехал на урок. Мы и близко не подъезжали к той ферме, немного поехали по полям. – Она махнула рукой, указывая направление. – И на обратном пути я не проезжала мимо фермы... Извините!

– Тогда пойду к мисс Говер... – Джесс махнула рукой в сторону остальных лошадей. – Кто за ними ухаживает – владельцы?

– Да, они тут на постое. Почти все владельцы навещают их по выходным. А в будние дни управляемся мы с Пенни. Кроме того, здесь у нас и наши верховые кони. Они принадлежат Пенни. Вот один из них. – Она указала на коня, на котором сидел Причард. Затем повернулась к другому оседланному коню и покровительственно потрепала его гриву. – А вот и мой старичок. Отрабатывает свое содержание верой и правдой... Да, дружище?

Конь ткнулся носом в шею хозяйке.

– Застоялся, – тактично пояснила Линдси.

– Конечно-конечно... не буду вас задерживать! – Джесс улыбнулась мистеру Причарду, проходя мимо него к конторе.

Отвечая на улыбку и оказанное ему внимание, мистер Причард беспечно перебросил поводья в правую руку, а левой изящно подбоченился, приняв позу, какую обычно видишь на старых снимках кавалерийских офицеров. Попытка изобразить лихого наездника не слишком удалась ему, но Джесс ответила одобрительным кивком. По всему заметно, что мистер Причард старается. И вообще, он не Джесс в чем-то хочет убедить, а самого себя.

Подойдя ближе к конторе, Джесс услышала голоса. Оказывается, она не первая посетительница – судя по голосу, хоть и довольно скрипучему, ее опередила женщина. Видимо, контору переоборудовали из пустого денника, о чем свидетельствуют двери. Обе створки распахнуты настежь и прикреплены крючками к стене. Обойдя щербатое ведро, валившееся у входа, Джесс негромко постучала и заглянула внутрь.

В конторе было почти совсем темно, Джесс пришлось зажмуриться после яркого света. Она поморгала, чтобы скорее привыкнуть к полумраку. Пахло кожей и потом.

Когда ее глаза привыкли к темноте, она увидела, что в крошечном помещении сидят трое, а с ее приходом места вообще не осталось. Одной из присутствующих оказалась мо-

лодая женщина, примерно ее ровесница, очень по-английски привлекательная. Она и сама немного напоминала лошадку, с длинными светло-каштановыми волосами, стянутыми в конский хвост. Прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди, стоял мужчина в бриджах для верховой езды, сапогах и свитере поверх клетчатой рубашки. Джесс решила, что ему под сорок или немного за сорок. На клиента он никак не походил. Уж слишком уверенно он чувствовал себя в тесной конторе. Последней, ближе всех у двери, сидела женщина неопределенного возраста. Внешность ее Джесс довольно четко определила про себя одним словом – «усохшая». Лицо обветренное, фигура сухая – ни грамма лишнего жира. Волосы жесткие, как проволока, и стоят дыбом, одежда изрядно поношенная. На вновь вошедшую она посмотрела так, словно это была провинившаяся подчиненная.

Зато молодая женщина за столом как будто даже обрадовалась, увидев Джесс, но вместе с тем и насторожилась. В общем, на ее лице отразились противоречивые чувства.

– Да? – сказала она. Джесс решила, что это и есть Пенни Говер. Слава богу, хозяйка конюшни – не усохшая!

Не дожидаясь ответа Джесс, мужчина отошел от стены, широко улыбнулся и сказал:

– Это полиция. У тебя облава, Пен!

– Полиция? – тут же встрепенулась жилистая особа. – Вы насчет той ерунды, что приключилась в «Сверчке»?

Не отвечая, Джесс достала служебное удостоверение и

предъявила всем. Ее привело в замешательство то, что она так быстро была разоблачена. Такое случилось не впервые, пора бы уже и привыкнуть. Должно быть, они ждали прихода полиции – после того, что случилось на ферме. И теперь Джесс, как и многие ее коллеги в штатском, с удивлением констатировала: народ отлично научился распознавать стражей порядка!

– Извините, что помешала – вижу, вы сейчас очень заняты. И все же... может быть, нам удастся поговорить? – обратилась она к Пенни.

Сухощавая особа явно возмутилась тем, что на нее не обращают внимания. Краем глаза Джесс заметила, как она ошетичилась и приготовилась к бою.

– Да, конечно, – ответила Пенни. – Извините, Селина, я выйду к вам сразу после того, как меня допросят.

Сухощавая Селина скептически хмыкнула и проследовала на улицу, смерив Джесс напоследок испепеляющим взглядом. Наверное, собралась звонить начальнику полиции, не меньше!

– Я тоже ухожу, – заявил мужчина, хотя уходить ему явно не хотелось. Во всяком случае, с места он не сдвинулся.

– Нет! – Пенни подняла руку, останавливая его. – Энди, пожалуйста, останься. Инспектор, это Эндрю Феррис, мой друг. Он был здесь и в пятницу. Ведь вас интересует пятница, да? Кстати, я – Пенни Говер. – Она огляделась. – Да вы садитесь, садитесь, вот и стул есть...

Феррис с готовностью отделился от стены и, схватив старый деревянный стул, торжественно предложил его госте. Джесс села на него примерно с такой же опаской, как мистер Причард – на коня.

– Надеюсь, я не отпугнула ценную клиентку. – Она кивком указала на двор.

– Мамашу Фоскотт? – ухмыльнулся Феррис. Зубы у него оказались отменные. И Джесс подумала, что он, безусловно, красавец. – За нее не беспокойтесь, она настоящая бой-баба!

– Тихо! – шикнула на него Пенни. – Там все слышно! Инспектор, ее зовут Селина Фоскотт. Она держит у нас на конюшне пони своей дочери.

Джесс вспомнила крошечную девочку, которая старательно чистила упитанного пони.

– Кстати, она и в пятницу здесь была. – На лицо Пенни набежала тень. – На той неделе Селина с Чарли приезжали каждый день.

Джесс мысленно обругала себя за недомыслие. Миссис Фоскотт придется допрашивать, а она ненароком обидела ее. Уж теперь-то миссис Фоскотт на ней отыграется!

– Я приехала по поводу происшествия на ферме «Сверчок», – произнесла она сухо.

Феррис удивленно поднял брови. Джесс показалось, что красавец собрался улыбнуться, но передумал – сообразил, что сейчас веселье неуместно. Джесс покосилась на него, давая понять, что заметила его полуулыбку. Феррис в ответ со-

строил невинную физиономию – ни дать ни взять озорной школьник, чью шалость заметил строгий учитель.

– Особенно меня интересует, не видели ли вы в пятницу – в любое время дня – чего-то странного, необычного. А может, и не в пятницу, а в другие дни, раньше. Я знаю, что самой фермы отсюда не видно, но вы – ближайшие соседи.

Пенни всплеснула руками, обводя пространство вокруг себя:

– Мы находимся на земле Илая. Я имею в виду Илая Смита. Мне принадлежит только сама конюшня. Паддок я арендую у Илая. Когда я купила конюшню, здесь все буквально разваливалось. Прежний владелец не справлялся. Лошадей здесь не держали много лет, а новых охотников что-то не находилось...

– Как вы узнали о том, что конюшня продается? – полюбопытствовала Джесс.

Пенни как будто слегка смутилась:

– Я жила в Лондоне... Работала учительницей. Преподавать в школе в бедном районе – не сахар, тем более в наши дни. Кроме того... у меня тогда был... роман... Наши отношения постепенно зашли в тупик. – Она покраснела.

Феррис у нее за спиной пробормотал:

– Все мы через это проходили!

Пенни продолжала:

– В детстве я часто навещала тетку, которая жила неподалеку отсюда. Здешние места мне всегда очень нравились.

Когда тетка умерла, я приехала на похороны... Поскольку похороны совпали с каникулами, я осталась на неделю. Сюда я приехала без своего... спутника, потому что... в общем... мне хотелось немного побыть одной. И вот я ездила по округе и случайно, проезжая мимо, заметила объявление о продаже. Оно провисело так долго, что совсем выцвело – буквы едва можно было разобрать. А сам столбик с объявлением упал на ограду, и никто не позаботился заново вкопать его. Я остановила машину и пошла на разведку. Ну и... меня как будто озарило. Конечно, конюшня находилась в жутком состоянии. Вместе с тем я поняла, что мне придется круто изменить жизнь. Но в Лондоне мне не нравилось, а здесь... здесь начиналась совершенно другая жизнь. Тетка оставила мне небольшое наследство, и лошадей я всегда любила... Вот так я приняла внезапное решение купить конюшню.

– Наверное, содержать конюшню – дело недешевое, ведь пришлось начинать все с нуля, – заметила Джесс. – И помимо всего прочего, работа здесь не из легких.

– Да, конюшня съела все тетино наследство до последней монетки, – вздохнула Пенни Говер. – Пришлось также вложить мою долю от квартиры, которую мы купили вдвоем с бывшим гражданским мужем. Мне крупно повезло, что он захотел сохранить квартиру за собой. А сейчас я борюсь за выживание и кое-как удерживаюсь на плаву главным образом потому, что у меня есть хорошие друзья. Одна из них – Линдси Харпер. Вы, наверное, видели ее – там, на улице? –

Пенни замолчала и посмотрела на Джесс.

– Да, мы с ней познакомились, – кивнула Джесс.

– Линдси держит здесь своего коня, а вдобавок приезжает почти каждый день и работает не покладая рук. Она во всем мне помогает.

– А другой работы у нее нет? – удивилась Джесс.

– Муж у нее – человек довольно состоятельный...

– Просто купается в деньгах! – присовокупил более раскованный Феррис.

– Потом... вот есть еще Энди. – Пенни с улыбкой повернулась к нему.

Феррис улыбнулся в ответ. Все понятно по его глазам – по уши влюблен, сочувственно подумала Джесс. Для него Пенни – свет в окошке. Интересно, а она как к нему относится? Наверное, тепло, с симпатией... но не влюблена.

– Энди не только берет на себя самые трудные дела – например, сколачивает брусья, барьеры... он еще и бухгалтерию мою ведет практически бесплатно!

– Я бухгалтер, – пояснил Феррис. – У меня своя фирма. Поэтому могу распоряжаться своим временем как хочу.

– И еще Илай, – задумчиво продолжала Пенни. – Как же я про него забыла! Илай умеет чинить абсолютно все. Кроме того, я арендую у него домик, в котором живу, за совершенно мизерную плату. Вы его видели? Ах да, глупый вопрос. Конечно, видели.

– Если вы об Илае Смите, он-то и обнаружил... жертву. –

Джесс могла бы сказать «труп», но некоторым свидетелям это слово не по душе. Хотя и Пенни Говер, и Эндрю Феррис, судя по всему, люди крепкие, закаленные.

Пенни наклонилась вперед.

– Илай такой добрый! – пылко воскликнула она. – Немного чудаковат, но все потому, что... – Она вдруг замолчала.

– Почему?

Пенни смутилась, но потом пожала плечами:

– Наверное, вы так или иначе все узнаете. Ферма «Сверчок» принадлежала родителям Илая. Много лет назад Смиты хозяйничали сообща – родители и двое их сыновей, Илай и Натан. Не помню, кто из братьев был старше. И вот однажды Натан неизвестно почему схватил дробовик и застрелил обоих родителей. Его арестовали, но до суда он не дожил, повесился в тюремной камере. Илай заколотил дом, забросил хозяйство. После того страшного дня он в том доме больше не жил. А на дворе сгружает всякий хлам.

– Да, он рассказывал, что собирает металлолом, – задумчиво проговорила Джесс. Она просила Фила Мортонa проверить Смита по общенациональной базе. Если он выполнил ее просьбу, значит, ему уже все известно. Ничего удивительного, что новый приезд полиции на ферму «Сверчок» так напугал Илая Смита.

– Мы с Энди чувствуем себя немного виноватыми! – неожиданно заявила Пенни, поднимая глаза на Ферриса и словно ища его поддержки.

Тот явно удивился, но все же послушно кивнул.

– Вот как? – Джесс доброжелательно улыбнулась, ожидая разъяснений.

– Да ведь это мы виноваты... точнее, я виновата в том, что бедняга Илай снова нашел у себя на ферме труп... Видите ли, именно Илай тогда первым увидел убитых родителей и брата с ружьем. Говорят, Натан сидел за столом в кухне и ждал, когда Илай вернется домой. Вроде бы в тот день Илай ездил на базар. В общем, когда все случилось, его на ферме не было. Перед Натаном на столе лежал дробовик, а кругом кровь! Представляете, что тогда пережил Илай? Вошел и увидел жуткую картину. – Пенни передернуло. – И вот ему снова приходится переживать то же самое: он нашел труп!

– Должно быть, у Натана тогда просто крыша поехала! – заметил Феррис. – Не знаю, почему его не признали недееспособным. Бедняга все равно покончил с собой, только в тюрьме.

Вот, наверное, была тогда суматоха, подумала Джесс. А потом еще служебное расследование. С Натана Смита глаз нельзя было спускать – такие преступники склонны к суициду. А ему позволили покончить с собой!

– Интересно, почему Натан и Илая не пристрелил? – задумчиво продолжал Феррис. – Времени на то, чтобы перезарядить двустволку, у него было достаточно.

– А почему вы вините себя в том, что Илай нашел тело? – спросила Джесс у Пенни, подумав, что, разумеется, и то ста-

рое дело придется вновь открыть. Три мертвеца, и все на одной ферме...

Феррис и Пенни Говер заговорили вместе. Им не терпелось все поскорее рассказать. Джесс невольно подумала, что, может, они репетировали разговор заранее?

– Да ни в чем ты не виновата! – возмущался Феррис. – Правда-правда, Пен, хватит тебе переживать за других! Труп-то все равно лежал на земле Илая, кому, как не ему, наткаться на него?

– Конечно, я чувствую себя виноватой, ведь это я заметила ту машину! – возражала Пенни.

Они бы спорили еще долго, но Джесс призвала их к порядку. Свидетели показались ей доброжелательными и открытыми, но немного бестолковыми.

– Ладно... – как бы извиняясь, начал Феррис. – Дело в том, что Пен...

– Нет, я не сумасбродная дура! Просто я люблю Илая и не могу не беспокоиться за него. Он уже немолод...

Джесс подняла руку:

– Пожалуйста, пусть говорит кто-нибудь один! Мисс Говер, давайте начнем с вас!

В конце концов она услышала более-менее членораздельный рассказ.

Пенни заметила на дороге незнакомую машину, серебристо-серую. Вроде бы «мерседес»... В общем, машина показалась ей дорогой. Она стояла на обочине дороги, на полпу-

ти между конюшней и фермой, у самого поворота в поле.

– Я везла от Илая фургон для перевозки лошадей. Илай его чинил. Говорю вам, он очень добрый.

– Так что «мерседес»? – негромко напомнила Джесс.

Оказывается, водитель сидел в машине, но, когда Пенни проезжала мимо, он повел себя как-то странно. У нее сложилось впечатление, что он пытается спрятаться. Так она и сказала Эндрю, когда вернулась в конюшню.

Феррис энергично закивал и подхватил рассказ:

– Я подумал, что мы... кто-то из нас... должен сообщить обо всем Илаю, потому что... в общем... никому не известно, что Илай хранит на своей ферме. Послушайте, – торопливо добавил Феррис, – я вовсе не утверждаю, что он держит там что-то недозволенное. Честно говоря, его ферма больше всего похожа на свалку, но, должно быть, там и что-то ценное есть, иначе старый Илай бы этим не занимался. В общем, я предложил позвонить Илаю...

– А я дала Эндрю номер мобильного телефона Илая...

– И я позвонил старику. Он сказал: «Поеду, значит, взгляну». Илай обычно человек немногословный. Ну вот, я ему позвонил и решил, что мы выполнили свой долг... – Феррис нахмурился. – Я уже собирался отключиться, когда он вдруг добавил, что ему все равно скоро нужно будет отвезти на ферму какой-то металлолом, так что он постарается поехать туда поскорее, прямо сегодня, то есть в тот день, когда мы с ним разговаривали, в пятницу. Илай редко бывает та-

ким говорливым, мне показалось, что новость его встревожила. Вскоре старик действительно поехал на ферму и нашел труп. Пенни права. Представляю, как паршиво сейчас бедному старику! От такого и свихнуться недолго, как свихнулся его брат Натан. Теперь я казню себя, что не подъехал на ферму и не осмотрел все вместе с ним. Но Илай терпеть не может, когда кто-то лезет в его дела. Предложи я поехать вместе с ним, он бы наверняка отказался. Решил бы, что я лезу не в свое дело.

– Когда вы видели на дороге незнакомую машину? – спросила Джесс, доставая блокнот.

Пенни и Феррис с интересом наблюдали за ее действиями. Потом они переглянулись.

– По-моему, без четверти четыре, – неуверенно сказала Пенни, – может, чуть позже. От Илая я выехала где-то без двадцати четыре. Я помню время, потому что посмотрела на часы. Эндрю обещал заскочить на конюшню, не хотелось заставлять его ждать. Когда я вернулась, он уже приехал, хотя я спешила... – Пенни покраснела. – Не думайте, будто я превысила скорость. Дело в том, что фургон был пустой, и мне не нужно было ехать медленнее обычного.

– Мистер Феррис, а вы по пути в конюшню проезжали мимо фермы «Сверчок»?

Феррис покачал головой:

– Никак нет, я ехал другой дорогой. А Пенни вернулась без четверти четыре, как она и сказала. От «Сверчка» до ко-

нюшни езды на машине пара минут. Мамаша Фоскотт забрала свою балованную дочку и покатила домой часа в четыре – пять минут пятого, а я решил позвонить Илаю на мобильный где-то в четверть... или в двадцать минут пятого.

– Кстати, Илай нам ничего не сказал, – заметила Джесс. – Я не про то давнишнее дело. Вполне понятно, почему об убийстве он и не заикнулся. Но он не рассказал о том, что вы видели машину, а мистер Феррис предупредил его по телефону.

Пенни и Эндрю снова переглянулись. Феррис усмехнулся, а Пенни улыбнулась.

– Илай – он такой, – пояснила Пенни.

– Ни за что не проболтается! – воскликнули они хором и рассмеялись.

– Извините! – поспешно добавила Пенни. – Понимаю, это совсем не смешно. Просто Илай... Видите ли, Эндрю правильно говорит, он человек неразговорчивый. Он говорит только то, что считает нужным сказать, так сказать, голые факты, и все. Взять хотя бы недавний случай... Один конь зачудил и пробил дыру в стенке фургона. Я спросила, может ли Илай починить фургон. Он приехал, взглянул на него и сказал только одно слово: «Да». Я прицепила фургон и привезла к нему, а он заделал дыру в борте. Пока он работал, мы с ним почти не разговаривали, он раскрыл рот только для того, чтобы отказаться от платы. – Она снова улыбнулась. – И потом, Илай, наверное, считает своим долгом защищать

меня от вас, поэтому и не заикнулся ни о чем. Он по-своему заботится обо мне. Время от времени навещается в конюшню, по его словам, чтобы взглянуть на лошадей. А на самом деле он еще и чинит все, что заметит... – Вдруг Пенни всполошилась. – Ох, только что сообразила! Наверное, Илай волнуется, как бы со мной чего не случилось здесь, в глуши... Обычно я не одна, со мной Линдси, владельцы лошадей, ученики или Энди...

Неожиданно до Пенни дошло: убитую девушку нашли совсем недалеко от ее конюшни. Раскрыв рот, она встревоженно посмотрела на Джесс.

Феррис положил ей руку на плечо:

– Успокойся, Пен! Полиция во всем разберется.

Приятно, когда население так доверяет стражам порядка. Джесс надеялась, что они оправдают доверие.

Во время разговора в конторе до слуха Джесс время от времени доносились глухие удары и громкое фырканье из-за тонкой стенки. Выйдя во двор, она увидела торчащую над загородкой лошадиную морду.

– Привет, старина! – Джесс протянула руку, собираясь погладить коня.

– Осторожно! – произнес мужской голос у нее за спиной. – Он, кажется, ослеп на один глаз. Лучше подойдите с другой стороны.

Обернувшись, Джесс увидела Ферриса, стоящего в дверях

конторы.

– Вот как, – смутилась Джесс.

– Слушайте, – Феррис понизил голос, – как по-вашему, для Пенни здесь сейчас не опасно? Я знаю, почти весь день с ней кто-то бывает, но она приезжает сюда рано утром, а уезжает поздно ночью. В дороге она совсем одна. За лошадьми нужен постоянный уход. Я не могу запретить ей приезжать сюда, но и постоянно находиться с ней тоже не могу. Ведь у меня и свои дела есть.

– Судя по тому, что сообщили мне вы и мисс Говер, вряд ли ей грозит какая-то опасность, – медленно проговорила Джесс. – Но она действительно заметила на дороге серебристый «мерседес» и мельком видела его водителя, поэтому является важной свидетельницей. Если водитель «мерседеса» причастен к убийству, возможно, он тоже это понимает. А фургон для перевозки лошадей – четкое указание на то, куда она направлялась.

– Значит, он может нагрянуть сюда? – Кивком Феррис указал на двор.

– Мисс Говер следует соблюдать осторожность. В начале следствия мы никогда не раскрываем всех подробностей прессе, можно пока никому не рассказывать о том, что свидетельница заметила рядом с местом преступления незнакомую машину. Скорее всего, мы действительно пока умолчим о «мерседесе».

– Это нам подходит! – обрадовался Феррис.

Джесс огляделась по сторонам.

– Если вам нужна Селина Фоскотт, – продолжал Феррис, указывая в сторону загона, – она там, вместе с Чарли.

– Чарли – это пони?

– Чарли – это ее дочка. Желаю удачи!

Он вернулся в контору.

«Сторожевой пес, – подумала Джесс, хмурясь. – Он охраняет Пенни Говер. И Илай Смит, и Эндрю Феррис считают своим долгом опекать и защищать ее. Везет же некоторым! Бывают женщины, которых все мужчины считают своим долгом защищать... Эх, если бы кто-то когда-нибудь отнесся так ко мне».

* * *

Чарли Фоскотт и ее пони кружили по загону и готовились брать барьеры. Пони явно не хотелось работать. Толстый, раскормленный, он напоминал бочонок на четырех ножках. На неискушенный взгляд Джесс, передние ноги у него были слишком широко расставлены. Судя по его виду, он вполне мог в любой момент отказаться брать барьер. Крошечная наездница как будто понимала это.

Покосившись на Джесс, миссис Фоскотт заорала:

– Стоять!

На секунду Джесс подумала, будто приказ предназначен ей, но Чарли немедленно остановилась, и Джесс поняла, что

мать отдавала приказание дочери. Пони опустил голову и принялся щипать редкие травинки, росшие в грязи. Маленькая всадница смотрела на Джесс сверху вниз. Личико у нее было такое же надменное, как и у матери. Если сначала Джесс жалела девочку, то сейчас это чувство испарилось.

– Итак. – Миссис Фоскотт неуклюже зашлепала по грязи к воротам. – Полагаю, вы хотите со мной поговорить?

– Если у вас найдется свободная минутка, миссис Фоскотт.

Судя по всему, Селина Фоскотт не держит на нее зла. Даже наоборот, ей как будто не терпится выговориться. Другое дело – известно ли ей что-то важное и интересное. Обычно словоохотливые свидетели сообщают массу ненужных подробностей, а по делу ничего путного и сказать не могут.

– Знаете, кто она такая? – спросила миссис Фоскотт.

Джесс поняла, что речь идет об убитой девушке.

– Пока нет. По словам Пенни Говер, на прошлой неделе вы приезжали сюда каждый день. Это так?

– Прохлаждаться некогда, – отрывисто ответила Селина. – Скоро соревнования! Нужно подготовить Султана. В прошлый раз, знаете ли, он выиграл синюю розетку в своем классе!

– Правда? Какой молодец! – Джесс не удивилась бы, узнав, что у пони вдруг выросли крылья и он перелетает через барьеры. Честно говоря, глядя на Султана, она как-то не особенно верила, что толстяк сумеет взять барьер. Разве что

правда перелетит... И все же синюю розетку, кажется, при-
суждают за какое-то высокое место. Впрочем, много ли на-
ездников соревнуются в одном с ним классе? Джесс вздох-
нула и уверенно направила разговор на интересующую ее те-
му: – По пути сюда вы проезжаете мимо фермы «Сверчок»?

Миссис Фоскотт кивнула:

– Не могу сказать, что обращаю на нее внимание. Я во-
обще стараюсь не смотреть в ту сторону, старая ферма как
бельмо на глазу. Похоже, там давно никто не живет. Иногда
туда заезжает Илай Смит – я вижу его грузовик.

– А в пятницу вы его видели?

– Нет. Если он приехал туда и нашел труп, то после того,
как я уехала домой. Кстати, я чудом избежала аварии! Едва
не столкнулась. – Она нахмурилась. – Только собралась по-
вернуть на шоссе, как вдруг – вж-ж-ж! Мимо пронесся боль-
шой серебристый «мерс». На полной скорости, прямо у ме-
ня перед носом! Пришлось экстренно тормозить. Эти город-
ские лихачи думают, что тут скоростная автострада и можно
гнать со всей дури, потому что все равно на дороге никого
нет! А места здесь мало и обочины совсем неширокие.

– В какое время вы видели «мерседес», миссис Фоскотт?

– Около четырех... или в начале пятого. Начинался
дождь. На обратном пути я заглянула в контору, – миссис
Фоскотт махнула рукой в сторону конюшни, – предупреди-
ла, что сама отведу Султана в его денник. Чарли расседла-
ла его, отнесла снаряжение в амуничник, и мы поехали до-

мой. — Она нахмурилась. — Я всегда еду осторожно, а прежде чем повернуть на главную дорогу, оглядываюсь. Только я решила, что можно немного прибавить газу, как мимо пронесся этот маньяк! Он чуть не снес мне передний бампер! Вы бы слышали, как вопила Чарли! Девочка решила, что наша песенка спета... Если честно, на секунду и мне так показалось! — Миссис Фоскотт задумчиво прищурилась. — Если бы я запомнила его номер, я бы обязательно вам сказала.

Наверное, Селина Фоскотт считает, что сотрудники криминальной полиции по совместительству выполняют обязанности транспортной полиции. Она специально так подробно рассказывает о дорожном происшествии, чтобы доказать, что она не виновата. Джесс задумалась. Незадолго до происшествия с миссис Фоскотт Пенни видела на дороге незнакомую машину — тоже серебристо-серую, тоже «мерседес». Она рассказала о странном поведении водителя Эндрю Феррису, а тот позвонил Илаю Смиту. Но «мерседес», едва не столкнувшийся с машиной миссис Фоскотт, пронесся мимо конюшни минут через двадцать после того, как его видела на дороге Пенни. Значит, водитель не сразу покинул то место, где Пенни его заметила. Почему? Потому что хотел убедиться, что снова не встретит Пенни на дороге? Или был занят чем-то другим? Может, кому-то звонил? Пытался отчистить машину? На дворе у Илая Смита очень грязно.

— Послушайте-ка! — воскликнула вдруг миссис Фоскотт, снова обретя надменную и властную манеру. — Как умерла

та девушка?

– Миссис Фоскотт, подробностей мы пока не разглашаем. Кстати, мы и сами толком не знаем. Придется подождать отчета о вскрытии. В таких вещах нужно знать наверняка.

– Знаю! – нетерпеливо отрезала ее собеседница. – Я не идиотка. Я хочу спросить: ее застрелили?

– А... – удивилась Джесс. – Насколько нам известно, нет. Но как я вам уже говорила, придется подождать результатов вскры...

Закончить ей не позволили.

– Ну и ладно, – с довольным видом произнесла Селина Фоскотт. – Значит, старый Илай Смит не имеет к убийству никакого отношения. – Она метнула на Джесс грозный взгляд. – Если бы старый Илай почему-то захотел кого-нибудь убить – скажем, увидел, как незнакомая девушка рыщет вокруг его фермы, – он бы вышиб ей мозги из дробовика.

– Почему? – негромко осведомилась Джесс.

Миссис Фоскотт, видимо, получала мрачное удовольствие от того, что сумела уесть сотрудницу полиции.

– Потому что все Смиты так поступают, – просто объяснила она. – Вы, наверное, уже слышали о двойном убийстве на их ферме?

– Ну да, – кивнула Джесс. – Натан Смит застрелил родителей.

Селина кивнула:

– Совершенно верно. Именно так поступил Натан, и так

же точно поступил бы Илай. — Она покачала головой. — Помню все, словно это было вчера. Тогда, кстати, никто особенно не удивился. Смитов считали странной семейкой. Они варились в своем соку, с посторонними не общались. Таким, как они, не хватает изобретательности. Они не придумывают ничего нового. Поверьте мне: если бы Илай захотел кого-то убить, он бы поступил так же, как его братец Натан. Ему бы мозгов не хватило на что-нибудь другое. — Миссис Фоскотт в упор посмотрела на молчащую Джесс. — Значит, все? Я вам больше не нужна?

Джесс собралась с духом:

— Д-да... по крайней мере, сейчас. Миссис Фоскотт, позвольте я запишу ваш адрес и номер телефона. На всякий случай, чтобы можно было с вами связаться по поводу «мерседеса», который вы видели.

— Конечно, — согласилась Селина с довольным видом. — Рада помочь!

Отойдя подальше, Джесс достала мобильник и набрала номер Фила Мортонa:

— Фил? Загляни в транспортный отдел. Мне рассказали о дорожном происшествии с участием серебристого «мерседеса». Две машины едва не столкнулись в пятницу, от четырех до половины пятого вечера. Насколько мне известно, чего в Глостершире много, так это камер видеонаблюдения, которые фиксируют превышение скорости. Если он действительно гнал, а, по словам свидетельницы, он мчался не разбирая

дороги, возможно, какая-нибудь камера его засекла. Вряд ли он обращал внимание на камеры, если голова у него была занята другим – например, трупом в коровнике.

* * *

Линдси Харпер стояла у себя в спальне перед высоким зеркалом на подвижной раме и придирчиво разглядывала свое отражение. Заходящее солнце заливало комнату мягким золотистым светом. Даже ее волосам оно добавило краски. От природы светлые волосы Линдси были желтоватого оттенка. Поэтому она не считала себя в полном смысле слова блондинкой. Она регулярно посещала салон красоты, но проводила столько времени на воздухе с непокрытой головой, что цвет волос быстро возвращался к природному.

Линдси считалась крупной дамой. Нет, не толстухой, просто высокой и широкой в кости. Фигура ее больше походила на мужскую, чем на женскую. И так всю жизнь! В детстве незнакомые люди часто принимали ее за мальчика. Спортивного типа, крупная, сильная, здравомыслящая – вот, пожалуй, самая яркая ее характеристика.

Она вздохнула. Час назад она вернулась из конюшни, приняла душ и надела платье – ради мужа. Марк вот-вот будет дома. Он уезжал по делам, а сегодня возвращается. Мать с детства вбивала ей в голову: при муже нельзя ходить распустихой. Но платья Линдси не шли. Брюки, сапожки для вер-

ховой езды, мешковатые свитера и теплые безрукавки нравились ей гораздо больше.

Линдси обратилась к своему отражению:

– Я похожа на пианино, которое поставили на попа и прикрыли холстиной – так поступают перед началом ремонта. Никакой женственности, одни прямые углы, а платье кажется тряпкой!

Она снова вздохнула от огорчения, потому что «тряпка» стоила целое состояние.

Внизу хлопнула парадная дверь, в прихожей слышались шаги. Марк вернулся! Линдси не слышала, как подъехала машина. Должно быть, он припарковался со стороны фасада, а ее спальня выходит на другую сторону. Даже не видя мужа, Линдси на слух поняла, чем он занят. Марк зашел в гостиную налить себе виски.

Она в последний раз разгладила на себе платье и спустилась вниз встретить его.

– А, вот ты где! – небрежно обронил Марк, увидев жену. – Я думал, ты еще на конюшне.

– Специально вернулась пораньше. Хотела встретить тебя дома.

Марк словно ничего не услышал.

– Выпить хочешь? – спросил он.

– Налей, пожалуй, джина с тоником, – просто ответила Линдси, забыв о женственности. Кого она обманывает? Во всяком случае, не себя и уж точно не Марка. – Как доехал?

– Пробки... как обычно.

– Как прошла поездка?

– Нормально.

Муж протянул ей бокал. Она села на диван и отпила глоток. Сам Марк устроился в ближайшем кресле.

– Что у нас сегодня на ужин?

– Карри с бараниной! – быстро ответила Линдси.

Впервые с момента, как жена вошла в гостиную, Марк выказал хоть какое-то чувство – он удивился.

– Неужели сама приготовила?

– Рис сварила. А карри – из супермаркета «Маркс и Спенсер».

– Замороженное?

– Нет, консервированное. Очень вкусно. В прошлый раз ты говорил, что тебе понравилось.

– Ну и ладно. Сойдет!

Он быстро утратил к ней интерес. Ему все равно, что на ужин. На самом деле ему наплевать, сама она готовила или нет. Когда они только поселились здесь, он предлагал нанять кухарку. И они это сделали, но кухарка оказалась настоящим стихийным бедствием. С тех пор Линдси как-то управлялась сама. Помогала ей лишь проходящая работница, которая каждый день наводила порядок в их просторном и мрачном викторианском особняке.

– На ферме «Сверчок» кого-то убили, – вдруг вспомнила Линдси.

Марк, который откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза, снова их открыл.

– Какая же это новость? Тому уж лет двадцать.

– Я не о Натане Смите, который застрелил родителей. Там нашли труп.

Наступило молчание. Марк долго смотрел на нее. Потом сказал:

– Ну а дальше что? Что ты замолчала – дура, что ли?

Шея и лицо Линдси залились густым румянцем. Она крепко схватила бокал. Другая давно бы уже поставила на место своего муженька, а она до сих пор за него держится...

«Чего ради?» – спросил внутренний голос. Линдси ответила ему: «Я дожидаясь удобного случая покончить с семейной жизнью достойно и порядочно. Я достаточно хорошо знаю мужа и понимаю, что он – злобный и мстительный придурок».

Вслух же она сказала:

– Илай Смит нашел у себя в коровнике труп молодой девушки. Сегодня в конюшню приезжала женщина – инспектор криминальной полиции.

– Господи спаси! – Марк скорчил кислую мину. – Неужели у них никого получше не нашлось?

Линдси выдержала паузу и допила джин-тоник. Она очень боялась сорваться.

– Она допросила Пенни, Эндрю Ферриса и Селину Фоскотт.

Наконец-то Марк соизволил обратить внимание на жену.

– А тебя? – отрывисто спросил он.

– Меня – нет. Я объяснила, что ничем не могу ей помочь.

Труп нашли в пятницу. В пятницу я была на конюшне, но даже близко не подъезжала к ферме «Сверчок».

– Ну тогда ладно, – вздохнул Марк. – Нам не о чем беспокоиться.

Линдси долго репетировала предстоящий важный разговор. Она начала готовиться еще до того, как стало известно о трупе в коровнике. Придумывала разные подходы к мужу. Для начала она собиралась как бы между прочим поподробнее расспросить его о так называемой деловой поездке. И незаметно подвести к самому главному для себя. Но с Марком что-то планировать – напрасная трата времени. Может быть, сейчас лучше огорошить его, ведь новость о трупе застала его врасплох.

Поэтому она спросила напрямик, стараясь выглядеть беззаботной:

– Марк, у тебя есть любовница?

Муж изумленно вытаращил глаза:

– У меня... любовница?! Ты что, совсем спятила?

– Нет, не совсем. По-моему, я задала прямой вопрос. – Линдси понимала, что вот-вот не выдержит, но старалась не выдать себя.

А вот Марк неожиданно разволновался. Вскочил, налил себе еще виски:

– С чего это взбрело тебе в голову?

– Ты часто уезжаешь. Никогда не рассказываешь о своих поездках. Ты...

Он круто развернулся к жене:

– Я занимаюсь делами, зарабатываю деньги, ясно? Я себя не щажу, чтобы ты могла жить на широкую ногу! – Он обвел рукой гостиную.

– Дом выбирала не я! – возразила Линдси.

– Но ты и не отказывалась в нем поселиться. И замуж за меня выйти тоже согласилась!

– Да, – нехотя кивнула Линдси. – Я чувствовала себя польщенной... Кстати, зачем ты вообще сделал мне предложение? Не отвечай, сама знаю. Тебе нужна была жена, которая открыла бы тебе путь в загородное общество. Я подвернулась как раз кстати...

Марк слушал жену, не перебивая, и напряженно думал – Линдси казалось, что она слышит, как у него в голове проворачиваются колесики.

– С чего ты вдруг затеяла такой разговор? – возмутился он. – Разве тебе не хватает денег? Хочешь купить еще одну лошадь? Так купи.

– А что, и куплю! – отрезала Линдси. Она чувствовала: еще чуть-чуть, и не выдержит, сорвется. – Пенни нужна еще одна ездовая лошадь.

– Не желаю стараться для девчонки Говер. Купи себе породистого жеребца для состязаний. Займись хоть чем-ни-

будь полезным!

– Чтобы еще реже видеться с тобой?

Марк подошел к дивану и угрожающе навис над ней. Помолчав немного, тихо сказал:

– Когда у тебя появится цель в жизни, не останется места для дурацких мыслей. Если тебе так нравится выгребать конский навоз – пожалуйста, но отчего бы не поучаствовать в состязаниях? А я постараюсь зарабатывать побольше, чтобы оплачивать все твои капризы и позволять тебе проводить время как тебе заблагорассудится. – Он раздвинул губы в улыбке, но глаза его не улыбались. – Кстати, любовницы у меня нет, а если бы и была... думаешь, я бы тебе признался? – Марк потрепал жену за подбородок. – Глупышка, – проворчал он. – И давай больше не будем об этом, хорошо?

Глава 6

– Он уже здесь! – хрипло прошептал Джо Хегарти, когда Джесс утром в понедельник проходила мимо его закутка.

Джо облокотился на перегородку, отделявшую его от площадки у входной двери. Он качал круглой головой и барабанил пальцами по краю стойки. Джесс невольно вспомнила старинные водосточные карнизы, увенчанные головами горгулий, горгульи взирают на прохожих с точно таким же выражением.

– Спасибо, – ответила она.

– Он седой, – добавил Джо, и сам убеленный сединами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.